

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» обратилась к мемориальцам с вопросами о том, как они расценивают принятую поправку в Конституцию РФ об «обнулении» сроков президентства Путина, что думают о политических событиях в Беларуси и о новых инициативах, связанных со статусом «иностранного агента» для физических лиц, а также о том, как повлияла пандемия на их деятельность.

**АННА ПАСТУХОВА,
ЕКАТЕРИНБУРГ**

«Что касается поправки в Конституцию, то я считаю (это мое личное мнение), что совершен конституционный переворот.

Если говорить о поправках в закон об «иностранцах», то мы уже не боимся — хуже вряд ли станет.»

ВЛАДИМИР КУЛИКОВ, ТУЛА

«Мы не политическая организация и сознательно не занимаемся политикой, стремимся держаться от нее подальше, поэтому не смогу ответить на вопросы.»

АЛЕКСАНДР ТЕГАЙ, АРТЕМ

«Я законопослушный гражданин, и если большинство проголосовало «за» (...), то значит надо этого придерживаться.

Относительно поправок в закон об «иностранцах» — нам бояться нечего, мы ничего ни от кого не получаем. Я думаю, что не каждый человек, получающий финансирование из-за рубежа, может быть признан иностранным агентом.»

АЛЕН БЛЮМ, ПАРИЖ

«Мы с тревогой следим за изменениями российского законодательства и занимаем те же позиции по этим вопросам, что и «Международный Мемориал» и Правозащитный центр «Мемориал».»

Подробнее на с. 2 >

ТРЕТИЙ КРУГ ПЕРСОНАЛЬНОГО АДА ДМИТРИЕВА

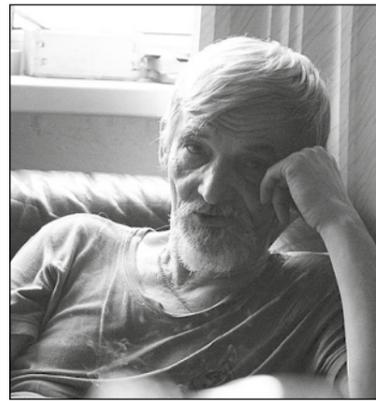
Петрозаводский городской суд 24 ноября в закрытом режиме пересмотрел уголовное дело в отношении исследователя сталинских репрессий, главы Карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева. На первом заседании горсуд продлил срок содержания под стражей Юрия Дмитриева до конца февраля.

Слушания проходят в закрытом режиме: из-за пандемии в здание суда пускают только участников дела, сообщили в «Международном Мемориале». Тем не менее, у входа в суд собрались друзья и знакомые Юрия Дмитриева из Петрозаводска, Москвы и Петербурга.

Избрание меры пресечения Дмитриеву, по сути, является формальным моментом, поскольку мемориалец осужден на 13 лет

лишения свободы по приговору Верховного суда Карелии и находится под стражей.

Петрозаводский городской суд дважды, сославшись на недочеты в оформлении, отказывался принимать кассационную жалобу на решение Верховного суда Карелии от 29 сентября 2020 года, отменяющее оправдательный приговор в отношении Дмитриева и передающее дело на рассмотрение новым составом

судей. Суд удовлетворил ходатайство предоставить Дмитриеву несколько дней на ознакомление с новыми томами дела.

Юрист Правозащитного центра «Мемориал» Марина Агальцова опубликовала комментарий в Facebook о третьем процессе по делу Дмитриева: «Когда жалобу наконец примут, а ее, скорее всего, примут, ограничений по срокам для подачи кассации нет, — суд

Окончание на с. 2 >

АКЦИЯ ПРИВЛЕКАЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ

Ежегодная акция «Возвращение имен», организованная «Международным Мемориалом», прошла в Москве 29 октября. Из-за пандемии коронавируса формат акции в 2020 году был изменен. Московские власти запретили проведение публичных мероприятий, и традиционная живая очередь переехала в Интернет.

20 октября волонтеры «Мемориала» собрались у Дмитлаговского камня-памятника «Москвичам, погибшим в ГУЛАГе» в Малом Каретном переулке и прочли имена людей, расстрелянных в Москве в 1930-е годы под камеру: запись была включена 29 октября в общую трансляцию.

Продолжение на с. 3 >

СПЕЦДОКЛАДЧИКИ ООН И ЦИНИЗМ ЧИНОВНИКОВ

Тема возвращения жилья репрессированным в советский период вновь приобрела актуальность в ноябре уходящего года. Стало известно, что проблемой заинтересовались спецдокладчики ООН, направившие письмо российским властям. В то же время был принят в первом чтении правительственный вариант законопроекта о возмещении ущерба «детям ГУЛАГа», противоречащий международным обязательствам России.

Речь идет об исполнении положения принятого в 1991 году Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», который предписывает выделить бесплатное жилье в городе, где семьи репрессированных проживали на момент

ареста. Однако в 2005 году Госдума передала полномочия устанавливать механизм такой компенсации регионам. Некоторые регионы ввели дополнительные ограничения для жертв репрессий. Так, в Москве для получения доступа к социальному жилью от жертв политических репрессий требовалось проживать в городе не менее 10 лет на момент подачи заявления о предоставлении социального жилья; не владеть иным недвижимым имуществом; не иметь достаточной жилой площади; быть малоимущими. Кроме того, реабилитированные жертвы утратили приоритет в распределении социального жилья и должны были регистрироваться в общей очереди, в которой надо стоять десятилетиями (в Москве — до 30 лет).

В 2019 году этот порядок оспорили в Конституционном суде дети репрессированных жителей Москвы Елизавета Михайлова, Евгения Шашева и Алиса Мейсснер. В декабре 2019 года КС постановил, что подобный механизм компенсаций нарушает права жертв репрессий, и потребовал незамедлительно изменить закон. Но решение КС до сих пор не исполнено. «30 октября» подробно писала об этом в № 156.

ПИСЬМО СПЕЦДОКЛАДЧИКОВ

10 ноября ООН опубликовала письмо двух своих спецдокладчиков правительству России,

Окончание на с. 13 >

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2020 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Акции памяти в регионах

с. 4

Идти в будущее затылком вперед...

с. 8

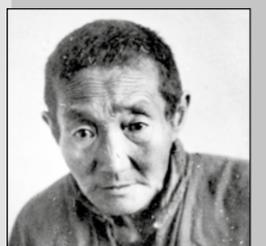

Восемь тысяч дагестанских имен. Книга памяти

с. 9

Об истории политических репрессий в Туве

с. 10

Свободное слово «Посева»

с. 11

Братья Медведевы и самиздат

с. 12

Дорога к жизни

с. 14

Дома с памятью и без

с. 16

«Понять и изобразить»

с. 17

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

ТРЕТИЙ КРУГ
ПЕРСОНАЛЬНОГО
АДА
ДМИТРИЕВА

➤ Окончание. Начало на с. 1

первой инстанции будет вынужден приостановить рассмотрение и передать все материалы в кассационную инстанцию. Такое приостановление может занять пару месяцев. Зачем сейчас готовится этот винегрет из параллельных процессов?

Возможно, Петрозаводский суд хочет побыстрее рассмотреть дело и отделаться от этого процесса, который привлечет внимание российской общественности и, конечно, международное внимание? На заседания к Юрию Дмитриеву приезжали историки и писатели (Людмила Улицкая, Николай Эппле, Марина Вишневецкая), актеры (Лия Ахеджакова), дипломаты. Естественно, внимание нервирует судейский корпус. И суд пытается расправиться с процессом побыстрее. Это как с противным лекарством: легче проглотить быстро, а не растягивать процесс.

Марина Агальцова прокомментировала для «30 октября» планы дальнейших действий: «Как адвокат Дмитриева в ЕСПЧ сейчас я буду знакомиться с материалами его дела. Потом мы будем решать вопрос по какому основанию подавать жалобу в ЕСПЧ. Сейчас говорить об этом рано».

Из-за продления ареста на три месяца Дмитриев не будет отправлен в колонию на период суда и будет находиться все в том же СИЗО-1 Петрозаводска, в котором пребывает уже почти четыре года. После вступления приговора в силу он был переведен в четырехместную камеру для осужденных, где с ним находятся еще двое.

Раз в три месяца ему можно получать передачи в 20 килограммов. По словам адвоката Виктора Ануфриева, Юрий Дмитриев чувствует себя хорошо, получает много писем, ответы на которые занимают у него много времени.

Напомним: дело Дмитриева началось зимой 2016 года. Он был задержан сотрудниками правоохранительных органов, попав под подозрение в изготовлении порнографии с участием собственной несовершеннолетней приемной дочери.

В апреле 2018 года суд Петрозаводска оправдал Дмитриева по статьям об изготовлении детской порнографии, но признал виновным в незаконном хранении оружия. Дмитриев был отпущен из СИЗО. В июне того же года Верховный суд Республики отменил решение петрозаводского суда. Дело было направлено на повторное рассмотрение, а Дмитриева снова задержали и взяли под стражу.

Петрозаводский городской суд 22 июля 2020 года приговорил Юрия Дмитриева к 3,5 года колонии строгого режима за совершенные «насильственные действия» в отношении своей несовершеннолетней приемной дочери. При этом он был оправдан по статьям об изготовлении порнографии, развратных действиях и хранении оружия. Затем, 29 сентября, Верховный суд Карелии рассмотрел апелляционные жалобы на оглашенное летом решение горсуда и ужесточил приговор с 3,5 до 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Также приговор в оправдательной части был отменен полностью.

Дело о фотосъемке ребенка и хранении огнестрельного оружия без разрешения было направлено на новое рассмотрение в городской суд.

Дмитриев не признает себя виновным.

На снимке: Юрий Дмитриев после освобождения, 2018 год. Фото Виктории Ивлевой

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ВЛАДИМИР КУЛИКОВ, ТУЛА

Мы работаем, стараемся регулярно проводить заседания — последнее прошло 27 ноября. На нем мы обсуждали, как отмечалось 30 октября, и выразили благодарность администрации города. На сей раз мероприятие прошло в довольно сжатом формате, поскольку губернатор объявил, что все собрания большого количества людей невозможны. Мероприятие прошло на Теснинском полигоне, на месте массовых расстрелов. Там исполняли реквием на мои слова и музыку Марии Михайловой. Выступали глава Общественной палаты области Галина Фомина и представитель областной администрации Людмила Фомичева.

У нас хорошие отношения с администрацией. Они недавно продлили нам безвозмездное пользование нашим помещением еще на пять лет.

Мы стараемся привлекать молодежь, омолодить организацию. Приняли решение, чтобы наши члены правления искали среди своих знакомых и привлекли в «Мемориал» новых членов. Это помогло сейчас, когда на мероприятии 30 октября не рекомендовалось допускать лиц старше 65 лет, а у нас набралась группа из 15 молодых людей. Омолодился и состав правления. Это все дает желание продолжать работу.

Мы не политическая организация и сознательно не занимаемся политикой, стремимся держаться от нее подальше, поэтому не смогу ответить на вопросы ни о поправках, ни о новых инициативах, касающихся статуса иноагента.

АННА ПАСТУХОВА,
ЕКАТЕРИНБУРГ

Мы сейчас работаем как Уральское отделение Российского «Мемориала», который, между прочим, «иностранным агентом» не считается. Финансово нас уже десять лет поддерживает бизнесмен Павел Подкорытов. Он также помогает с организацией просветительских поездок по местам репрессий, куда мы возим активистов, студентов, преподавателей. В прошлом году мы ездили в Медное, в этом году собирались в Медное и на Соловки, но из-за эпидемии коронавируса провели лишь ограниченный просветительский тур по своему региону — «12-й километр», Каменск-Уральский, Кыштым, Миасс.

Мы продолжаем работать, сохраняем память о жертвах репрессий, ведем проект поддержки гражданских активистов.

Что касается отношений с властями, то нас преследуют прокуратура и Роскомнадзор (РКН). Год назад РКН выпи-

сал нам шесть штрафов за немаркировку сайта и страницы в Facebook в качестве «иностранных агентов». Три штрафа были выписаны на меня как на главу организации, а еще три — на всю организацию, хотя никаких материалов мы не распространяли.

Кроме того, директорам школ, учителя и учащиеся которых участвовали в мемориальском конкурсе школьных работ, из прокуратуры пришли требования — не сотрудничать с «Мемориалом», который является «иностранным агентом». Но мы приходили и работали не от имени «Мемориала». Эта кампания сильно ослабила наши позиции — не только потому, что учителя и дети стали бояться сотрудничать, но и потому, что мы сами не хотим подставлять их под удар.

В этом году нам отказали в проведении акции 30 октября под предлогом «сложной эпидемиологической обстановки».

Еще одна проблема — «12-й километр», место массовых расстрелов. Это место не исследуется и не мемориализуется как должно. На него, с одной стороны, наступает частная застройка, а с другой — громадный суперцентр биатлона. Правда, непонятно, как туда будут приезжать и стрелять спортсмены из тех стран, граждане которых были расстреляны на этом месте, и кости которых лежат там непогребенными.

Нас поддерживает «Ельцин центр», предоставляющий площадки для проведения мероприятий. Туда же мы передали значительную часть наших коллекций, чтобы они могли демонстрироваться перед публикой.

Что касается поправки в Конституцию, то я считаю (это мое личное мнение), что совершен конституционный переворот.

Если говорить о поправках в закон об «иностранных агентах», то мы уже не боимся — хуже вряд ли станет. Когда меня журналисты просят об интервью про «иностранных агентов», я предлагаю: давайте его сделаем на 12-м километре, где лежат 20 000 таких же «иностранных агентов». Мы будем придерживаться принципа «Делай что должно — и будь что будет», продолжая работу по сохранению памяти о жертвах репрессий как памяти о национальной трагедии.

АЛЕКСАНДР ТЕГАЙ, АРТЕМ

Наш «Мемориал» возник в 1997 году как общественное объединение реабилитированных и пострадавших от политических репрессий. Сейчас председателем организации является Валентина Туркина, я раньше был заместителем председателя, председателем, теперь — член правления. Сейчас в организации 400 человек, в правлении — 11. Мы проводим консультации, помогаем людям добить-

ся статуса репрессированного. Если нужно — идем с ними в суд. Поскольку существующие меры поддержки репрессированных явно недостаточны, мы стараемся как-то дополнить их: помочь с медосмотром, освидетельствованием и т.д.

Пожалуй, наша сама главная проблема — возраст. Средний возраст членов правления — 82 года, а нашей «молодежи» (мы так называем детей репрессированных) — в среднем около 70.

Отношения с администрацией города очень хорошие. Она выделила нам конференц-зал в Доме общественных организаций, где мы можем собираться. При поддержке администрации мы издали видеоролик и две книги, а в 2010 году у Дома общественных организаций был воздвигнут памятник жертвам репрессий, где ежегодно проводятся памятные мероприятия, на которых выступают глава города, глава городской думы, депутаты, члены правления «Мемориала».

Что касается поправки в Конституцию, то я законопослушный гражданин, и если большинство проголосовало «за» (а судя по данным СМИ, так и было), то значит надо этого придерживаться.

Относительно поправок в закон об «иностранных агентах» — нам бояться нечего, мы ничего ни от кого не получаем. В то же время я думаю, что не каждый человек, получающий финансирование из-за рубежа, может быть признан иностранным агентом — если эти деньги пошли на благо России, например.

АЛЕН БЛЮМ, ПАРИЖ

Общая цель французской ассоциации, которая была создана в апреле этого (2020-го) года, тесно связана с целями «Международного Мемориала» и состоит, в частности, в том, чтобы распространять информацию и способствовать изучению истории репрессий в СССР, в Центральной и Восточной Европе, а также следить за защитой прав человека в странах этого региона. Для этого мы переводим и распространяем информацию «Международного Мемориала», которая может заинтересовать франкоязычную публику и информировать политический мир Франции.

В краткосрочной перспективе наши программы, как вы понимаете, были серьезно ограничены пандемией. И все же нам удалось организовать акции «Возвращение имен» в Париже и в Страсбурге между двумя локадаунами. Мы намеревались (и до сих пор намерены, когда это станет возможным) провести общественное обсуждение проблемы использования истории в политических целях. Мы также запланировали (а затем отменили из-за второй волны эпидемии) акцию, касающуюся как нарушения прав человека в России

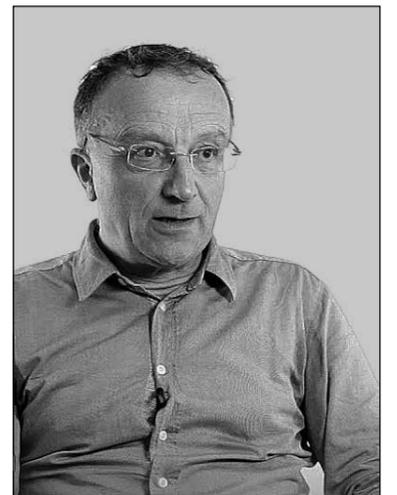
и Беларуси, так и вопросов взаимодействия политики и истории. Мы готовим и другие общественные мероприятия, но пока рано о них сообщать.

Из-за карантина наша деятельность в основном сосредоточилась на создании сайта memorial-france.org. С помощью сайта мы информируем заинтересованную аудиторию об актуальных сюжетах, продолжая при этом подготовку цикла публичных мероприятий, чтобы быть готовыми к моменту неизбежного возвращения к нормальной общественной жизни.

Создание нашей ассоциации было очень хорошо встречено всеми, кто уже был знаком с «Международным Мемориалом» и небезразличен к вопросам репрессий на советском пространстве, особенно в сталинское время, а также теми, кто интересуется вопросами прав человека в современной России. Однако нам пока не удалось значительно расширить аудиторию, поскольку из-за пандемии мы не смогли запустить широкую рекламу мероприятия. Мы неоднократно откладывали открытие ассоциации.

Основание ассоциации было хорошо принято, в частности, мэрией города Парижа, которой, как правило, небезразличны вопросы прав человека; оно было также хорошо принято специальным послом по правам человека (во Франции — название должности уполномоченного по правам человека). В любом случае, наша цель, конечно, — полагаться на общество в целом, и мы не хотим быть посредником в чьих-либо политических интересах.

Мы с тревогой следим за изменениями российского законодательства и занимаем те же позиции по этим вопросам, что и «Международный Мемориал» и Правозащитный центр «Мемориал».

Изменения в Конституции РФ несут большую опасность, которая касается, в частности, прав человека, но мы хотим подчеркнуть, что, к сожалению, такие тенденции наблюдаются и в других странах Восточной Европы, в частности в Венгрии и Польше. Усиление репрессий против участников массовых шествий, мирно и законно проходящих в Беларуси, вызывает у нас серьезную озабоченность, как и репрессии против наиболее значимых фигур белорусской оппозиции. Новые инициативы по признанию «иностранными агентами» физических лиц, по нашему мнению, являются абсурдными и преступными.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Владимир Куликов,
Анна Пастухова,
Александр Тегай, Алан Блюм.
Фото предоставлены спикерами.

АКЦИЯ ПРИВЛЕКАЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ

➤ Окончание. Начало на с. 1

В этот раз к 10:00 на Лубянской площади приехала лишь исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова. Она возложила цветы на Соловецкий камень, зажгла свечу и прочитала вступительную речь.

«46 лет назад, 30 октября 1974 года, политзаключенные мордовских и пермских лагерей объявили голодовку в знак протеста против политических репрессий в СССР и против бесчеловечного обращения в тюрьмах и лагерях. С тех пор советские политзаключенные ежегодно отмечали этот день, называя его Днем политзаключенного. Этот день — напоминание о трагических страницах в истории страны. Тогда множество людей было заведомо ложно, обманом обвинено в преступлении и расстреляно либо отправлено в исправительно-трудовые лагеря и на ссылку в спецпоселения. Клеймо врагов народа и их пособников легло на безвинных людей и целые семьи. Миллионы погибли в результате террора и ложных обвинений».

Точная цифра репрессированных до сих пор неизвестна. По данным Общества «Мемориал», только в Москве за два года — 1937-1938-й — по ложным политическим обвинениям было расстреляно более 30 тысяч человек. Всего же по Советскому Союзу за период Большого террора вынесено 725 тысяч смертных приговоров. За все годы советской власти на казнь отправлено 1 миллион 250 тысяч человек.

По традиции, 29 октября, накануне Дня памяти жертв государственного террора, уже 14-й год звучат имена казненных. Только имя, возраст, профессия, дата расстрела. Людей расстреливали тайно, мы сделаем память о них публичной. Наш долг — вернуть их имена из забвения», — сказала Жемкова. Затем последовала минута молчания.

Чтобы принять участие в акции, желающим нужно было заранее записать видеоролик, на котором автор видео зачитывает имена репрессированных. Эти ролики были вывешены на сайте «Международного Мемориала». Также желающие могли прочитать имена репрессированных онлайн в соцсетях, но, чтобы организаторы могли отследить активность, авторы должны были поставить хэштег — #ВозвращениеИмен.

Несмотря на то, что официально акция не была разрешена столичной мэрией, к Соловецкому камню все же приехали неравнодушные люди и принесли цветы. Полиция реагировала на активистов сдержанно.

«Сегодня я здесь по-быстрому. Не могу не принять участия в акции. Мой дед, Иван Куприн, сапожник, был расстрелян в 1937 году, впоследствии реабилитирован. Я хожу сюда уже в шестой раз. Для меня 30 октября — день траура», — поделилась своим рассказом с корреспондентом «30 октября» Ирина, жительница Москвы.

«Несмотря на запрет, пропустить акцию — предать родных. Бабка и дед в 1937 году были сосланы, мать помещена в детдом. Нить со старшими родственниками потеряна. Очевидно, погибли в лагерях. Виной тому — советская власть. Не забуду, не прошу», — сказал корреспонденту «30 октября» статусный мужчина в дорогом костюме.

Уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова прислала к Соловецкому камню корзину цветов с траурной повязкой. Омбудсмен открыла мероприятие, запись с ее выступлением транслировалась на сайте первой. Со свечей в руке, одетая в черное платье, Москалькова прочитала: «Николай Иванович Чиннов. 46 лет. Преподаватель Военно-транспортной академии. Расстрелян 1 июля 1937 года. Алексей Сергеевич Соколов. 50 лет. Заместитель директора научно-исследовательского института оздоровления раннего детства. Расстрелян 16 сентября 1938 года».

Второе включение. На фоне внушительной библиотеки предстал доктор исторических наук, профессор, сенатор, бывший уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин. «Ким Заен (Конекко Эйзиро). 31 год. Студент Электромеханического

Внезапно видеотрансляция прерывается. Перед нами — кадры, снятые в 2007 году, — на первой акции «Возвращение имен». На них — стенды с фотографиями репрессированных, размытые портретами Сталина, надписи, вырезки из газет, плакаты 1930-х годов. Судя по кадрам, тогда на акции было меньше людей, чем, скажем, в прошлом году, а желающие подходили не к одиноко стоящему микрофону, а к кафедре с надписью «Посвящается памяти жертв политических репрессий». Как и на следующих акциях, «Мемориал» заботливо раздавал литературу на тему репрессий. На видео, в основном, пожилые люди. Теперь же акция привлекла больше молодежи, говорили организаторы корреспонденту «30 октября» все последние годы.

По состоянию на 28 ноября, запись, сделанная «Международным Мемориалом», имеет 34 тысячи просмотров. Точное количество горо-

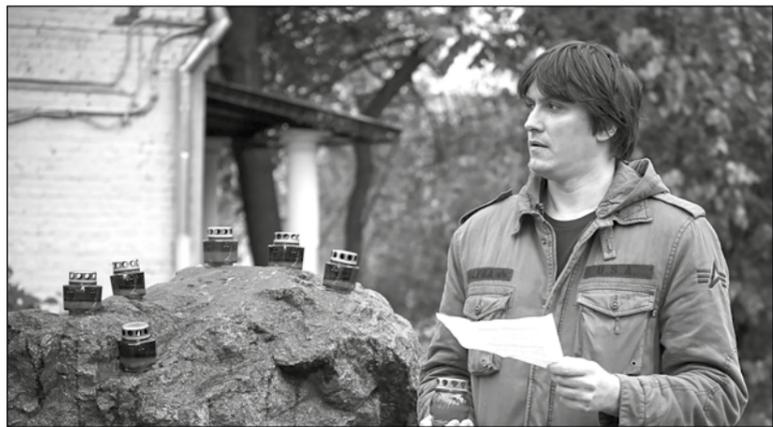

к чему угодно. Нелепо и то, что «Мемориалу» запретят проводить митинги. Впрочем, сохраняется надежда, что кусок законопроекта все же удастся выкинуть», — рассказал Верховский.

Развитие законодательства РФ ведет к возобновлению советских практик и начинаний, высказал свое мнение корреспонденту «30 октября» председатель правления международного общества «Мемориал» Ян Рачинский. Как

камня. По словам правозащитника, в будущем организаторы намерены совместить онлайн и оффлайн форматы.

Комплекс законодательских инициатив, который недавно был внесен в Госдуму, направлен на ликвидацию российского гражданского общества как игрока в рамках общественной жизни России, считает Олег Орлов, член совета Правозащитного центра «Мемориал». После принятия законопроектов, направленных на кон-

института инженеров транспорта. Расстрелян 26 июля 1934 года. Стефанида Сигизмундовна Бельская. 55 лет. Без определенных занятий. Бывший цензор Главлита. Расстреляна 21 октября 1937 года. Антон Моисеевич Тамарин. 56 лет. Заместитель директора Государственного литературного музея. Расстрелян 5 февраля 1940 года. Андрей Петрович Фомин. 32 года. Плотник-пильщик в колхозе Ленинский путь. Расстрелян 9 сентября 1937 года. Давид Аввакумович Коржиков. 52 года. Кондуктор поезда Москва—Владивосток. Расстрелян 8 февраля 1938 года».

Затем выступили председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Валерий Фадеев, его предшественник Михаил Федотов, журналист Михаил Фишман и другие. Сначала включения велись из Москвы, затем присоединились Ухта, Тамбов, Тверь, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Воронеж, Омск, Казань и другие российские города. География акции поразила: среди чтецов были жители Праги (Чехия), Мичигана (США), Модиин-Маккабим-Реута (Израиль), Лугано (Швейцария), Милана (Италия)...

дов организаторы назвать не смогли. Трансляция велась на сайте акции «Возвращение имен» — <https://october29.ru/>.

Постоянно принимающий участие в акции директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский в телефонном разговоре с корреспондентом «30 октября» отметил, что, несмотря на изменение формата акции, она несет важное значение для нынешнего и будущего поколений, которым необходимо знать не только светлые, но и темные стороны истории своей страны. Верховский напомнил, что в Госдуму внесен законопроект, согласно которому организациям, признанным иностранными агентами, будет запрещено проводить публичные акции; таким образом, в будущем «Мемориал» не сможет организовать «Возвращение имен» без нарушения закона.

«Конечно же, мы должны поддерживать память о репрессиях всеми способами, но делать это станет куда сложнее, если Дума примет этот законопроект. Жить станет сложнее, если парламент примет новое законодательство о митингах, согласно которому и очередь на одиночный пикет приравнивается к массовой акции. Можно придаться

именно ситуация будет развиваться дальше, правозащитник предположил отказался, красноречиво отметил: «Сумасшествие, на которое похожи действия нашей власти, непредсказуемо». Тем не менее, Рачинский настроен оптимистично. «В конце концов, никто не вечен и ничто не вечно. В недалеком будущем произойдет смена вектора, ведь чем сильнее закручиваются гайки, чем дальше заходят законодатели, тем больше нынешняя власть изолирует страну от остального мира, и это не может благополучно сказаться ни на экономике, ни на ситуации в целом», — считает Рачинский.

Комментируя изменение формата акции, правозащитник отметил, что у онлайн-формата есть и плюсы, и минусы. Проведение акции в сети позволяет привлечь чтецов из самых разных точек мира; активисты, находящиеся далеко от Москвы, зачастую не могут приехать в столицу и вынуждены либо выходить на акцию у себя в городе, либо отказываться от участия. Также онлайн-формат позволяет пообщаться к акции людям с медицинскими проблемами. К «минусам» Рачинский отнес «отсутствие человеческой общности», присущее встрече у Соловецкого

контроль свобод собраний и высказываний, гражданское общество может сохраниться лишь в качестве декоративного элемента и реального влияния на общественную жизнь в стране оказывать не будет.

«Так стремятся сделать авторы законопроектов. С их точки зрения, деятельность гражданского общества должна быть прекращена. Но будет ли оно реально зависимым? В противном случае мы увидим акцию сопротивления тоталитаризму у нас в стране... В октябре-ноябре 1917 года в России произошли печальные события, а в 1991 году все, что большевики пытались насадить и в результате насадили, было разрушено. Большевики действовали против исторического вектора. Но это длинный временной промежуток», — заключил Орлов.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: 1. Представители посольств 34 стран пришли к Соловецкому камню 29 октября. Фото Аглаи Гронас.
2. Участники акции у Дмитлаговского камня-памятника «Москвичам, погибшим в ГУЛАГе». Фото Андрея Рушайло-Арно

РЕГИОНЫ

С 1991 года 30 октября является в России общегосударственной памятной датой — Днем памяти жертв политических репрессий. Этот день в 1974 году был выбран советскими политзэками как День памяти и борьбы. Тогда политические узники мордовских и пермских лагерей впервые устроили голодовку в знак протеста против своего положения, а академик Андрей Сахаров провел пресс-конференцию о положении политзаключенных в Советском Союзе.

Каждый год в последние дни октября проходят акции в память о жертвах репрессий — как напоминание и предостережение живущим. В этом году акции, приуроченные ко Дню памяти и борьбы политических заключенных, прошли по территории всей страны, но большинство из них — в режиме онлайн. Где-то они носили религиозный характер, где-то политический, где-то были запрещены или прошли в форме одиночных пикетов.

Специфика акций этого года проявилась еще и в том, что в них приняли участие люди, которые в прошлые годы хотели поучаствовать, но не могли приехать. А географический охват показал понимание значения этого дня в мире.

В одном сошлись все, кто счел необходимым принять участие в акциях: отсутствие памяти и знаний о прошлом ведет к повторению трагедии. Многие говорили о новой волне репрессий, связанной с нарастающими протестными настроениями в стране, вспоминали Юрия Дмитриева. В подборке только часть сведений об акциях из 36 городов.

АШКЕЛОН, ИЗРАИЛЬ

29 октября на площади, носящей имя известного режиссера Соломона Михоэлса, израильтяне белорусского происхождения провели акцию памяти.

Ее участники возложили цветы и зажгли свечи у памятного знака евреям — жертвам сталинских репрессий. Зачитали имена погибших и стихи репрессированных поэтов.

В этом году акция имеет оттенок солидарности с белорусскими политзаключенными. Израильская акция памяти прошла параллельно с акцией «Ночь расстрелянных поэтов», которая состоялась в урочище Куропаты в Минске. В ночь на 30 октября 1937 года в подва-

на мы успели провести мероприятие «Возвращение имен» на площади Штайнплатц в центре Берлина. Ближе к вечеру у расположенного здесь скромного памятника жертвам сталинизма стали собираться активисты «Мемориала». Возлагали венки, зажигали свечи. Потом, заинтересованные происходящим, начали останавливаться прохожие, спрашивали, что это за акция. Одни, услышав ответ, спешили дальше по своим делам, другие оставались послушать.

С 1950-го по 1953 год советские военные трибуналы вынесли 923 смертных приговора гражданским лицам в Германии, затем их переправили в Москву и расстреляли. Среди них был 241 житель

Николай ОЛЬШАНСКИЙ,
Новгородский «Мемориал»

ВОРОНЕЖ

Традиционный выезд активистов и всех желающих воронежцев к расстрельному мемориалу в Дубовке в этом году из-за пандемии не состоялся. Сейчас рассматривается вопрос о переносе памятных мероприятий на лето 2021 года, сообщили в городской администрации.

Молитва памяти 30 октября прошла в Воронеже в двух форматах. Очно утром — в зале № 1 кинотеатра «Спартак» и онлайн днем, когда было прямое включение в трансляцию онлайн-марафона «Молитва памяти». К молитвенному чтению имен жертв политических репрессий в онлайн-формате могли подключиться все желающие воронежцы через YouTube-канал форума «Имеющие надежду». В 21:00 ор-

ДЕЛО НЕ В ТОМ, СКОЛЬКО ПРИШЛО ЛЮДЕЙ...

лах минской внутренней тюрьмы НКВД, где сейчас размещается следственный изолятор КГБ Беларуси, было расстреляно более 130 представителей белорусской элиты. В этом году сотни человек, в том числе иностранные дипломаты, пришли вечером 29 октября в Куропаты.

«Белорусская элита легла в одну куропатскую яму, — сказала литератор Анна Северинец в начале акции. — Через 83 года после этой трагедии мы с вами своими глазами видим, своими сердцами чувствуем ту же самую тревогу, ужас, насилие и давление, которые когда-то узнали они».

БАРНАУЛ

29 октября на площади Свободы прошла акция памяти жертв политических репрессий, в которой приняли участие горожане, политические активисты, а также активисты Общества «Мемориал». Они возложили цветы к памятнику и рассказали истории своих семей.

Акция была омрачена провокацией коммунистов, которые пришли с портретами Адольфа Гитлера и Андрея Власова, рассказал активист Константин Емешин на своей странице в Facebook. Одним из авторов такого «перформанса» стал секретарь барнаульского горкома ЛКСМ Даниил Щеглов, который пояснил, что эти действия были осознанными, вызванными его неприязнью к деятельности «Мемориала», который ранее на своем сайте якобы указал лидера Третьего рейха в качестве жертвы сталинских репрессий.

Участники акции были шокированы действиями Щеглова. «Мы по очереди рассказывали свои семейные истории, поминали дорогих людей и тут эти товарищи шариковы, с пивом, с комсомольским задором», — написала Лариса Хомайко.

БЕРЛИН, ФРГ

Немецкому «Мемориалу» повезло: за три дня до ноябрьского локдау-

Берлина и Бранденбурга. Их имена, возраст на момент ареста, даты ареста, места проживания, профессии, а также даты расстрела зачитывали вечером 29 октября на площади Штайнплатц.

Имена люди зачитывали по очереди. К небольшому пюпитру со списками подходили пожилые и молодые, мужчины и женщины, немцы и — судя по акценту — русские. После каждого имени раздавался негромкий удар колокола.

Анке ГЕЙСЕН,
Немецкий «Мемориал»

ВАРШАВА И КРАКОВ, ПОЛЬША

Акции прошли в Варшаве у Катынского камня и в Кракове у Катынского креста. Из-за ограничений, связанных с пандемией, физически принять участие в акции смогли только по 10 человек в каждом городе. Мы пригласили участников заранее записываться через Интернет, а тем, кто не сможет лично участвовать, предложили прислать нам имена родственников или известных им людей, ставших жертвами сталинского террора. Эти имена мы тоже читали во время акции.

Ассоциация «За свободную Россию» организует «Возвращение имен» в Польше начиная с 2015 года. На акции приходят представи-

тели разных народов, представители которых пали жертвами сталинских репрессий, — поляки, украинцы, белорусы, русские, евреи... Используя информацию из архивов, мы ищем данные жертв трагедий разных народов. Они погибли при Катынском расстреле, так называемой Польской акции НКВД, Голодоморе в Украине, депортациях чеченцев и крымских татар, массовых репрессиях жителей Украины, Беларуси, Литвы, Казахстана и других республик Советского Союза, в том числе, конечно, и самой России.

В этом году в наших списках были азербайджанцы и армяне, расстрелянные в разных частях страны. Таким образом мы хотели подчеркнуть главное, человеческое измерение этих трагедий. Сталинский террор был в конечном счете общим проклятием для всех жителей огромного пространства от Центральной Европы до Тихого океана, трагедией всего человечества, состоявшей из страданий отдельных людей.

Ассоциация «За свободную Россию»

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

В связи с эпидемией мы отменили все массовые мероприятия Дня памяти в областном центре. Скромные поминальные мероприятия прошли в муниципальных районах

Новгородской области. Состоялось возложение цветов к памятного знаку жертвам репрессий в Сквере памяти Великого Новгорода.

Общественная комиссия Новгородской области, в которую входят жертвы репрессий, добилась утверждения проекта нового памятника жертвам политических репрессий скульптора Вадима Боровых. Создание и установка памятника запланированы на 2021 год. Местные коммунисты активно противодействуют его установке.

ВОЛГОГРАД

Пять волгоградских активистов провели в День памяти жертв политических репрессий одиночные пикеты в поддержку современных политзаключенных. Прохожие отнеслись к этому без особого сочувствия — заявляли, что ничего не знают о таком Дне и не замечают политических репрессий в современной России.

Пикетчики держали плакаты: «Политические репрессии: никогда больше!», «30 октября — День памяти жертв политических репрессий», «Свободу Юрию Дмитриеву!», «Не забудем, не простим!», «Свободу политзаключенному Марку Гальперину» и другие. К пикетчикам подошли полицейский и двое казаков, которые хотели сфотографировать плакаты. Но участники акции ответили отказом, и силовики отошли, наблюдая за акцией со стороны.

Активистка Нина Шубина во время проведения пикета заявила, что репрессии в стране набирают обороты. Среди жертв современных политических репрессий она назвала Марка Гальперина, Бориса Немцова, Анну Политковскую. Нина Шубина подчеркнула, что выходит на пикеты, чтобы выразить свое мнение: «Мы не молчим, другие — миллионы — молчат. Да, нас мало, но кто-то должен выразить свое мнение».

Галина Тихенко стояла с портретом Немцова. «Это наше знамя победы, его убили под окнами Кремля», — сказала она. К жертвам политрепрессий она отнесла также Анну Политковскую и Сергея Мохнаткина. А всего таких жертв многие десятки людей, подчеркнула пикетчица.

Ольга Карпухнова стояла с плакатом «Свободу Юрию Дмитриеву». Она рассказала, что волгоградские активисты 14 октября ездили в Саратов на заседание суда кассационной инстанции по делу Марка Гальперина. «А сейчас он заболел... Любого честного, здравомыслящего человека эта власть старается убить физиче-

ски, — сказала она. — Меня возмущает и приговор Дмитриеву. Пожилого человека посадить на 12 лет — считай, пожизненно. Нам нужно знание о сталинских ГУЛАГах». Пикетчица отметила, что видит смысл в еженедельных пикетах. «Я выражаю свою позицию, стою открыто, где-то рискуя...», — заявила женщина.

После пикетов активисты отправились к памятнику жертвам политических репрессий, где возложили цветы.

Акции исторической памяти, организованные Преображенским сообществом малых православных братств (священника Георгия Кочеткова), продолжились до 7 ноября.

День памяти жертв политических репрессий в Воронеже дал повод вспомнить о важной местной проблеме: второй год подряд в Дубовке не проводятся раскопки расстрельных ям и перезахоронения останков воронежцев. «Последний раз раскопки проводились в 2018 году, был найден 70-й по счету схрон, в который после расстрела были сброшены 72 тела, — рассказал местной газете Валерий Чекмарев, член правления Воронежского «Мемориала». — Всего, по нашим подсчетам, здесь лежит около 10 тысяч расстрелянных воронежцев. Пока удалось найти и перезахоронить 3,5 тысячи. Затем профессиональные поисковики от работы были отстранены, а новый неопытный отряд так и не смог найти очередную расстрельную яму. Часовни, о которой так долго говорили, пока тоже нет. Все продолжает держаться на энтузиазме руководителя Воронежского «Мемориала» Вячеслава Битюцкого. Да и в самом нашем «Мемориале» человек осталось — на пальцах посчитать. Если Вячеслав Ильич от дел отойдет, то «Мемориал» в Воронеже уже не будет. И о Дубовке, где большинство расстрелянных воронежцев все еще сброшены как собаки, тоже можно забыть».

По мнению руководителя Воронежского «Мемориала» Вячеслава Битюцкого, приостановление раскопок и перезахоронений к «большой политике» отношения не имеет — «это лишь вопрос местной недобросовестности отдельных функционеров».

Ольга БРЕНЕР

На снимках: Акции памяти в Берлине, Варшаве. Скриншоты видеозаписей.

ЕКАТЕРИНБУРГ

В этом году власти отказали Уральскому «Мемориалу» в проведении традиционной акции поминовения жертв сталинского террора на обычном месте — в аллее напротив здания НКВД-МВД на проспекте Ленина, 17. Повод нашелся без труда — из-за «сложной эпидемиологической обстановки».

ИРКУТСК

Памятная церемония прошла 30 октября на мемориале в поселке Пивовариха. В ней приняли участие заместитель губернатора Иркутской области Андрей Козлов, представители правительства Иркутской области, религиозных конфессий и общественности.

того в 2018 году. Музей расположен в здании, в котором в 1930-е годы располагалось отделение НКВД. Часть экспозиции музея истории репрессий пока находится в здании музея истории Йошкар-Олы.

Владимир Козлов, член правления Общества «Марий Ушем» («Союз мари»), выступая на акции, отметил, что репрессированны

Помимо этой акции, 30 октября прошла еще одна, организованная гражданской активисткой Светланой Мариной, в ней приняли участие четыре человека. К «Соловецкому камню» на вятской набережной были возложены цветы, установлены фотографии жертв «Большого террора», зачитаны имена репрессированных из вятской «Книги памяти».

Однако обойти молчанием эту дату мы не могли. В этих условиях пришлось провести акции «Возвращение имен» и «Колокол памяти» несколько раньше, 25 октября, на 12-м километре Московского тракта, где находится массовое захоронение десятков тысяч убитых коммунистическим режимом людей. На сегодня установлено уже более 20 000 имен погребенных на этом месте жертв «Большого террора». Границы этой гигантской братской могилы не установлены до сих пор. Более того — всерьез обсуждаются планы строительства на костях убитых новых спортивных сооружений. Часть сооружений уже построены — это тир «Клуба Михаила Архангела». Над захоронением снова звучат выстрелы. Планируется строительство также нового биатлонного стадиона к 300-летию Екатеринбурга. Действующая власть прилагает все усилия к тому, чтобы память о репрессиях была стерта.

Ежегодное чтение имен репрессированных — лучший и весьма наглядный ответ на утверждения некоторых наших сограждан о том, что простых людей якобы «репрессии не коснулись», а «преследованиям подвергались исключительно предатели и коррупционеры». Практически каждый читавший имена сказал что-то свое... Наши материалы были отправлены московским коллегам и практически полностью оказались включены в общероссийскую трансляцию.

Анатолий СВЕЧНИКОВ,
Уральский «Мемориал»

Захоронение расстрелянных в годы сталинских репрессий недалеко от поселка Пивовариха является самым крупным в Иркутской области. Сейчас там завершается благоустройство. Обновлены аллеи и дорожки, установлены звонница, беседка и Стена скорби. В ближайшее время на нее нанесут более 12,5 тысячи фамилий расстрелянных в Иркутской области в годы репрессий.

Уточнение списка шло полтора года. Его опубликовали на сайте службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Работа по уточнению списков будет продолжена. На Стене скорби оставлено свободное место для фамилий расстрелянных, которые могут стать известны позже.

ЙОШКАР-ОЛА

Жители Марий Эл почтили память жертв массовых репрессий у одноименного мемориала. Николай Аракчеев, основатель народного музея истории ГУЛАГа, вспомнил, что год назад, когда в мемориальном митинге приняла участие заместитель председателя правительства Марий Эл Илга Дравнище, власти открывали второй мемориальный комплекс — в память о 555 военнослужащих, погибших во время Великой Отечественной войны от ран и болезней. Тема погибших в поселке Сунок солдат — одна из главных для местных поисковиков. Но, по словам Аракчеева, власти Йошкар-Олы так и не смогли провести ремонт здания музея истории ГУЛАГа, временно закры-

ми оказались многие основатели этой национальной общественной организации. Он напомнил, что в последнее время активисты организации установили десять памятных камней в разных районах Республики, и призвал в Дубовой роше и на Мендурском кладбище — в местах массовых расстрелов и захоронений — соорудить более значимые памятники.

За пришедшими к мемориалу йошкарлинцами наблюдали представители правоохранительных органов. Они взяли объяснения у Николая Аракчеева и Владимира Козлова. Некоторые полицейские высказывали утверждение, что происходит митинг, несогласованное мероприятие, но, тем не менее, не препятствовали пришедшим почтить память жертв репрессий — находиться у памятника, возлагать цветы, общаться.

КИРОВ

Несмотря на запрет властей, 30 октября в городе прошла акция активистов «ПАРНАСа» «Молитва памяти». На Театральной площади, перед памятником Федору Шаляпину, были установлены иконы и фотографии репрессированных при сталинском режиме, прозвучали стихи Анны Ахматовой и молитвы. Во время чтения молитвы «Отче наш» к организатору акции, гражданскому активисту Вадиму Ананьину, подошли сотрудники полиции и потребовали прекратить «несанкционированное мероприятие», а от его участников — разойтись. Несмотря на грубые действия полицейских, «Молитва памяти» продолжалась около трех часов.

Накануне организатор акции, гражданский активист Вадим Ананьин, не смог согласовать проведение мемориальной акции с городской администрацией. Свой отказ чиновники мотивировали тем, что митинг помешает свободному «доступу граждан в драмтеатр», который расположен менее чем в ста метрах. Ананьин подал иск о признании действий властей незаконными. По его словам, акцию не согласовали впервые за 29 лет.

Закон Кировской области запрещает проведение митингов около медицинских, образовательных и культурных объектов. Вместе с тем, 4 июня 2020 года Конституционный суд признал такие запреты недопустимыми.

КОСТРОМА

Из-за неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки активисты отказались от традиционного массового возложения цветов к памятному знаку жертвам политических репрессий на площади Мира.

С соблюдением мер предосторожности на территории бывшего Александрово-Невского кладбища на проспекте Мира прошла мемориальная акция «Молитва памяти». Организаторы попросили отказаться от участия в мероприятии людей старше 65 лет, раздали всем участникам защитные маски и призвали соблюдать безопасную дистанцию.

После панихиды по всем репрессированным, которую отслужил председатель Костромского церковно-исторического общества протоиерей Димитрий Сазонов, собравшиеся по очереди зачитали имена погибших в годы «Большого террора» костромичей. Информация была взята из «Книги памяти Костромской области».

Завершилась акция возле могилы московского губернского предводителя дворянства, оберпрокурора Святейшего Синода, члена Государственного совета Александра Самарина, который умер в Костроме в 1932 году после многочисленных арестов, тюрем и ссылок. Организаторы раздали пришедшим поминальные свечи, призвав зажечь их вечером и поставить на окна своих домов в память о земляках, погибших и пострадавших от политических репрессий.

НОВОСИБИРСК

Акция памяти «Возвращение имен» была проведена в дистанционном формате. Это не помешало каждому желающему прийти к памятнику в Нарымском сквере и возложить цветы, но собраться вместе мы смогли только в удаленном режиме.

30 октября был установлен памятный знак на месте бывшей пересыльной тюрьмы. К этому дню Новосибирский «Мемориал» шел 7 лет. Мы захоронили прах людей, погибших в пересыльной тюрьме. За время ее существования в тюрьме побывали люди из очень многих городов нашей страны.

На месте памятного знака в Нарымском сквере планируется установить памятник всем жертвам политических репрессий, место захоронения которых неизвестно.

Необходимо также отметить, что в День памяти жертв политических репрессий состоялась митинг против установки памятника И.В. Сталину на территории Новосибирска.

Алла ДЕРГАЧЕВА,
Новосибирский «Мемориал»

НЬЮ-ЙОРК, США

Накануне Дня памяти жертв политических репрессий в «Даг Хаммаршельд Плаза» около здания ООН в Нью-Йорке собралось порядка 20 человек чтобы прочитать имена людей, расстрелянных во времена сталинского «Большого террора». Собравшиеся выразили поддержку руководителю Карельского «Мемориала» Юрию Дмитриеву, открывшему место захоронений в Сандармохе. Там были расстреляны представители более чем пяти десятков национальностей, поэтому очень символично, что акция прошла около штаб-квартиры Организации Объединенных Наций.

ОРЕНБУРГ

Митинга, посвященного памяти жертв политических репрессий, в этом году не было. Его заменило простое возложение цветов в Зауральской роше, на месте массового расстрела репрессированных. По словам Владимира Чубарева, руководителя Оренбургского «Мемориала», уже давно планируется установить памятник жертвам репрессий в

центре города: «К сожалению, этот вопрос пока не решается, он во власти администрации города и области».

Всего в Оренбургской области было репрессировано свыше 20 000 человек, в том числе расстреляно 7414 человек.

Продолжение на с. 6, 7

На снимках: Акции памяти в Екатеринбурге и Новосибирске. Фото Андрея Свечникова, Аллы Дергачевой

РЕГИОНЫ

➤ Продолжение. Начало на с. 4-5

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ

Члены Ассоциации «Mémorial France» решили провести акцию «Возвращение имен» в Париже. Акция проходила 24 октября перед мемориалом погибшим в Первой мировой войне, на стене кладбища Пер-Лашез на бульваре Менильмонтан.

Желающим раздали записки с именами из подготовленного организаторами списка, но пришедшие также могли прочитать любое имя, которое есть в базах «Мемориала».

Те, кто не смог прийти на акцию, но желали поучаствовать в ней, записали видео у себя дома и прислали организаторам. Эти видеозаписи были переданы в «Международный Мемориал».

Французский «Мемориал»

ПЕНЗА

Организованная областным правительством акция памяти жертв политических репрессий по традиции прошла рядом с памятником «Покаяние». Местное отделение Общества «Мемориал» впервые за всю историю своего существования не смогло принять участия в проведении памятного дня.

Татьяна Алфертьева, председатель Пензенского «Мемориала», отметила, что накануне ей поступило много звонков от родственников репрессированных, которые собирались прийти на акцию: «Им по 80 лет, и я сказала, что это безумие. Важно оставаться живыми и здоровыми, а вспомнить можно и дома. А потом, когда ограничения снимут и станет легче, мы в любой день сможем собраться у памятника».

Почтить память репрессированных и возложить цветы пришло порядка 20 человек. Силами правительства была установлена машина с громкоговорителем, из которого звучали имена расстрелянных жертв репрессий.

У памятника «Покаяние» в одиночном пикете стоял правозащитник Юрий Вобликов. Он держал плакат «30 октября — День памяти жертв политических репрессий». За полтора часа к нему дважды подходили полицейские, которые взяли письменное объяснение.

ПЕРМЬ

29 октября Пермский «Мемориал» провел онлайн-акцию памяти «Возвращение имен», посвященную жертвам «Большого террора». 7 474 пермяков было расстреляно в 1937-1938 годах, более четырех с половиной тысяч имен уже было прочитано за шесть лет проведения акции. В записи акции приняли участие 130 человек, в том числе 18 из других городов России: Архангельска, Воронежа, Екатеринбург, Калининграда, Москвы, Набережных Челнов, Санкт-Петербурга, Твери, а 14 — из других стран: Беларуси,

Бельгии, Германии, Италии, Кыргызстана, Литвы, Украины, Чехии, Швейцарии.

К 30 октября Роберт Латыпов, председатель Пермского «Мемориала», выпустил видеобращение, в котором напомнил о изначальном названии этого дня — День политэка. «Само слово «память», — сказал он, — предполагает, что речь идет об

города, 10 человек по очереди читали 30 октября имена репрессированных в годы «Большого террора».

«Большинство из тех, кого мы поминаем в День жертв политических репрессий, остаются безымянными, и, к сожалению, о многих мы так и не узнаем, а о большинстве тех, чьи имена установлены во многом благодаря и Юрию Дмитриеву, мы знаем только самые основные данные, — сказал во время акции карельский активист Андрей Литвин. — Несмотря на это, мы вспоминаем и их. Для верующих людей есть такое понятие, что Бог все знает, все видит, и Ему все ведомо, и у Него нет неизвестных. Мы вспоминаем о тех, кто не сразу был расстрелян, чья жизнь была искалечена, об их детях и внуках, чья жизнь тоже была искалечена».

ПРАГА, ЧЕХИЯ

В Чехии «Возвращение имен» уже в четвертый раз организует чешский филиал «Мемориала» совместно с Ассоциацией «Gulag.cz». Среди миллионов жертв советского государственного террора — тысячи чехов и граждан Чехословакии. В этом году мы прочитали 60 их имен.

Пандемия коронавируса помешала встретиться на традиционном месте проведения акции — возле пражского мемориала жертвам коммунизма на Уезде. Поэтому мероприятие перенеслось в онлайн-пространство. Каждый желающий записал и разместил короткое видео, где зачитывал имя и короткую биографию расстрелянного в СССР чеха.

Чехов (и чехословацких граждан) арестовывали в СССР по сфабрикованным обвинениям, которые чаще всего были связаны именно с их национальностью. Среди жертв оказались и представители чешской диаспоры, рожденные уже в СССР, и политэмигранты из Чехословакии.

Штефан ЧЕРНОУШЕК,
Чешский «Мемориал»

ПСКОВ

Возложение цветов и заупокойная лития прошли 30 октября в сквере у Мироносицкого кладбища. В годы советской власти массовым репрессиям были подвергнуты миллионы человек. Только в Пскове их более 64 тысяч, из них 8 тысяч расстреляны. Имена и профессия каждого заключенного зафиксированы в «Книге памяти».

До тех пор, пока сталинизм будет оправдываться, общество будет расколото. «Методы руководства преступного в прошлом государства не должны быть забыты», — сказал на акции Юрий Дзев, председатель Псковского «Мемориала».

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Акция 30 октября прошла в парке у мемориала жертвам политических репрессий. Представители оппозиционных движений Ростова-на-Дону провели также пикет в городском парке Строителей, чтобы выразить протест против современных политических репрессий. Пикет собрал около двадцати человек, среди которых были представители движения «Солидарность», «Партии народной свободы», «Яблока», а также гражданские активисты.

В руках у участников были плакаты: «Будущее России сидит в тюрьме. Отпускать заложников!»; «Хватит репрессий!»; «Свободу Анастасии Шевченко!»; «Свободу всем политзаключенным!» и другие.

По окончании пикета его участники возложили цветы к находящемуся в парке мемориалу жертвам политических репрессий. Пикет был согласован с количеством участников до 50 человек, все участники были в защитных масках и соблюдали дистанцию. Акция проходила в немногочисленном месте, вдалеке от популярных пешеходных зон и каких-либо административных зданий, поэтому за все время мимо пикета прошло лишь около десяти прохожих, которые в разговоры с пикетчиками не вступали. При этом полицейских на пикете было почти в два раза больше собравшихся, в стороне стояли три машины полиции.

Организатор акции Елена Меньшенина заявила, что цель мероприятия — напомнить людям о том, что в нашей стране долгое время власть укреплялась именно за счет репрессий несогласных, инакомыслящих и, к сожалению, сейчас эта традиция возвращается. «В последнее время дошло уже до искажения самого смысла и принципов Конституции, которые заложены в ее базовых положениях, — сказала Меньшенина. — Преследования людей усиливаются, политические дела постоянно появляются в других городах по самым надуманным поводам, поэтому вопрос политических репрессий и поддержки их жертв становится очень актуальным в нашей стране, это вопрос реальности».

Борис Папаян, активист партии ПАРНАС, рассказал, что пришел на пикет, чтобы почтить память тех людей, которые были невинно погублены сталинским режимом.

«Я лично знал репрессированного грека, которого я в детстве звал «дядя Леня Спирапуло», — вспомнил он, — мы дружили семьями. Только за то, что человек был греческой национальности, он получил восемь лет. Он их отбыл в лагерях». Папаян предложил переименовать улицы, «названные сейчас в честь лиц, виновных в репрессиях».

Участница пикета Светлана Морозова, у которой был репрессирован отец, вспомнила о том, что ее мать не получала пенсию, а саму Светлану не принимали в пионеры.

Другая участница пикета, Лидия Ольшанская, рассказала историю своего репрессированного дяди: «Он был очень известный инженер. В 1937 году его забрали, осталась жена с двумя маленькими детьми — трех и шести лет, очень трудно было им». По словам Ольшанской, и в наше время в России есть политзаключенные: «Сейчас не расстреливают, но издеваются, — это и процесс Юрия Дмитриева, и дело Насти Шевченко, и процесс «ростовских мальчишек»».

РЯЗАНЬ

Члены Преображенского православного братства в середине октября подали в мэрию заявку на проведение ежегодной «Молитвы памяти», но им отказали из-за запрета на массовые мероприятия. Андрей Блинушов, председатель Рязанского «Мемориала», призвал горожан прийти для возложения цветов к памятным местам

небольшими группами, соблюдая меры предосторожности в условиях пандемии. Он напомнил, что в Рязанской области репрессированных и приговоренных к высшей мере наказания были десятки тысяч: по самым осторожным оценкам, более 35 тысяч человек.

В полдень 30 октября у кладбища на месте памятника жертвам политических репрессий встретились члены Преображенского православного братства, председатель регионального отделения Общероссийской общественной благотворительной организации инвалидов — жертв политических репрессий Сергей Попов и внуки репрессированных рязанцев. Они зажгли лампадки, возложили цветы и почтили память репрессированных минутой молчания.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Траурные мероприятия прошли на мемориальном кладбище «Левашовская пустошь». По традиции, 30 октября цветы и венки возложили на территории бывшего расстрельного полигона НКВД. Там захоронены около 45 тысяч жертв сталинских чисток.

Анатолий Разумов, руководитель центра «Возвращенные имена», выступая на акции, сказал: «Были национальные линии репрессий во время большого сталинского террора. Списки на расстрел так и назывались: «Поляки», «Эстонцы», «Финны», «Харбинцы» — как японские шпионы будто, «Немцы», «Латыши». Вот какие в Ленинграде были списки. По каждому из этих списков тысячи человек расстреливали. И большинство из них погребено здесь».

На Троицкой площади прошла акция «Вспомнить всех поименно». Там читали фамилии репрессированных ленинградцев.

САРАТОВ

Возложение цветов в память жертв политических репрессий советского периода прошло у креста и памятного знака на «Расстрельном рву» Воскресенского (мемориального) кладбища Саратова.

«Расстрельный ров» был местом за городом, известным еще с репрессий 1918 года. Воскресенское кладбище «пришло» сюда только в середине 1960-х. Останки академика Н.И.Вавилова и многих других жертв коммунистического режима покоятся именно в этой части кладбища, а не у «парадного» входа, где положен «камень» и где власть «разрешила» возлагать цветы. «Там камень лежит — туда и приходите с цветами», — потребовал от участников акции заместитель начальника УВД города.

Сергей ЦУРИН,
Саратовский «Мемориал»

На снимке: Акция памяти в Вашингтоне у здания ООН. Скриншот видеозаписи. Андрей Блинушов читает имена расстрелянных Рязани. Фото Анны Керносовой из архива интернет-издания «7x7»

СМОЛЕНСК / КАТЫНЬ

Мероприятия в честь Дня памяти жертв политических репрессий в мемориальном комплексе «Катынь» проходили два дня подряд — в связи с санитарно-эпидемиологическими ограничениями. Акция «Возвращение имен» состоялась 29 октября у Стены памяти и скульптуры «Расстрел» на российской территории мемориала (он состоит из двух частей — российской и польской). Родственники репрессированных зачитывали имена жертв «Большого террора». 30 октября собравшиеся возложили венки к скульптуре «Расстрел».

Также на российской части мемориала открылась новая выставка — «Забвению не подлежит». Экспозиция состоит из личных вещей, обнаруженных поисковиками в 2019-2020 годах вместе с останками в Катинском лесу. Среди найденного — обувь, одежда, предметы личной гигиены, государственные награды Российской империи, петлицы и остатки формы сотрудников НКВД. Впервые обнаружены фарфоровые предметы, появление которых в захоронениях истории пока не могут объяснить.

В сентябре-октябре 2020 года за территорией мемориала в 14 расстрельных ямах поисковики обнаружили останки 541 человека. «Абсолютное большинство найденных останков имели следы насильственной смерти в результате выстрела в область головы», — говорится в материалах доклада, представленных на выставке.

СУРГУТ

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, в год 90-летия со дня образования Остяко-Вогульского спецлага, в Высоком Мысе заложили камень в основание будущего памятника, посвященного жертвам политических репрессий 1930-1940-х годов.

Место установки будущего памятника было выбрано случайно, Высокий Мыс сельского поселения Тундрино — спецпоселок. В 1930 году по всему округу таких селений для политических заключенных появилось больше 50. Долгое время спецпоселки были засекречены.

В 1930-х годах практически половину населения территории современных Югры и Ямала составляли ссыльные. Тогда был сформирован Остяко-Вогульский спецлаг Государственного управления исправительно-трудовых лагерей, в который входила и территория Сургутского района. По сведениям, содержащимся в докладной записке А.М.Лежаве, председателю правления «Союзрыба», первым этапом в

спецлаг добрались 23 315 человек. По приблизительным данным, половина погибла в пути, не выдержав суровых условий.

Второй этап, начавшийся весной 1931 года, считается самым массовым. Согласно «Комплексному плану развития основных отраслей хозяйства Остяко-Вогульского округа», спецпереселенцы в 1932 году составляли 33,8 тысячи человек, из них около 9 тысяч разместились в Сургутском районе. Карта дислокации спецпоселков пока отсутствует в открытом доступе.

СЫКТЫВКАР

30 октября состоялось возложение цветов к расположенной на перекрестке улиц Кирова и Домны Каликовой часовне — мемориалу жертвам политических репрессий. На этом месте в Сыктывкаре церемония проходит с 2001 года. На этот раз, в связи с ограничительными мерами из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации, у часовни не проводились традиционный митинг и молебен.

В мероприятии принял участие И.Л.Жеребцов, председатель Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». По просьбе участников мероприятия он коротко рассказал о том, почему именно здесь воздвигнута часовня. С XIX столетия по соседству с нынешним мемориалом находилась городская тюрьма, а на месте самого памятника располагалась тюремная Благовещенская церковь. В 1929 году в Усть-Сысольске появился первый в Коми лагерь, заключенные которого должны были построить железную дорогу до станции Пинюг. Первый лагерьный пункт разместили как раз в закрытой Благовещенской церкви, затем его перевели, а церковь разрушили. В конце 1931 года строительство железной дороги было законсервировано, а большинство заключенных отправлено на прокладку Беломор-Балтийского канала.

Память погибших почтили также представители руководства Республики Коми и города Сыктывкара, научных учреждений и общественности.

ТВЕРЬ

Международная неополитическая акция «Молитва памяти», посвященная жертвам советских репрессий, прошла 30 октября на улицах Твери. На Тверской площади, в Городском саду (у памятника Михаила Тверского) и на пересечении улиц Трехсвятская и Жигарева жители областного центра, надев маски и разой-

дясь на социальную дистанцию, читали имена своих родственников, предков, близких, знакомых и даже незнакомых им людей. Сергей Глушков, член Тверского «Мемориала», говорит, что официальная цифра репрессированных в регионе — больше 5 000 человек, и это только в 1937-1938 годах, без учета более раннего и позднего периодов. Например, репрессии крестьян проходили вообще без суда и следствия. Общее количество жертв репрессий в регионе, по словам Глушкова, исчисляется десятками тысяч.

ТОМСК

Впервые с 1992 года в Сквере Памяти у Камня Скорби не было традиционного митинга в память о жертвах политических репрессий. В связи с пандемией коронавируса музей «Следственная тюрьма НКВД» массовые мероприятия решил не проводить. Сам музей в этот день работал бесплатно. При соблюдении масочного режима, прохождении термометрии на входе и соблюдении безопасного расстояния между посетителями все желающие могли ознакомиться с постоянной экспозицией музея, посмотреть новую выставку «Профессор Зубашев — пассажир философского парохода», которая рассказывает о судьбе строителя и первого ректора томского политеха. Пришли те, кто хотел поделиться информацией о своих родственниках, пострадавших в годы террора. А также — отдать дань памяти репрессированным томичам в рамках акции «Возвращение имен», которая ранее проходила в Сквере Памяти.

«Желающие прочитать имена смогли это сделать в отдельном помещении музея у экспозиции «Расстрельный крест», подходя по очереди с соблюдением безопасной дистанции к этому «расстрельному месту» и читая имена расстрелянных томичей, — говорит Василий Ханевич, член правления «Международного «Мемориала». — Всего за период «Большого террора» (с августа 1937-го по декабрь 1938 года) на территории Томской области по 58-й статье УК РСФСР было осуждено 12 678 человек. Из них приговорены к высшей мере наказания и расстреляны 10 092 человека. Сегодня из всего этого списка смогли вспомнить только малую часть».

Томский «Мемориал»

ТЮМЕНЬ

Десятки тюменцев приняли участие в митинге памяти жертв политических репрессий, который прошел у памятного знака во

дворе бывшего здания НКВД на улице Семакова в Тюмени.

«Массовые политические репрессии 30-х годов XX века не должны повториться в истории России. Память об этой национальной трагедии так же священна, как память о победах», — заявил, выступая на митинге, Михаил Решетников, председатель Тюменской городской общественной организации жертв политических репрессий. Участники митинга возложили цветы к памятному знаку.

В области 2194 человека были расстреляны в застенках и подвалах «тюменской Лубянки» в годы репрессий. Сейчас в регионе живут около 7,5 тысячи реабилитированных и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий.

УЛЬЯНОВСК

29 октября Симбирский «Мемориал» принял участие в онлайн-акции «Возвращение имен», а 30 октября — совместно с министерством соцзащиты Ульяновской

области — в возложении цветов к памявному месту жертв политических репрессий Ульяновской области. Обычно в Ульяновске День памяти жертв репрессий — это мероприятие с участием порядка 150 человек, с привлечением телевидения и чиновников. В связи с очень тяжелой ситуацией с эпидемией коронавируса в регионе абсолютно все массовые мероприятия были отменены на длительный срок.

По данным краевого министерства социальной защиты населения, в Хабаровском крае сейчас проживают 4063 человека, которые подвергались политическим репрессиям.

ЧЕЛЯБИНСК / МАГНИТОГОРСК

Накануне Дня памяти жертв политических репрессий в Обьединенном госархиве Челябинской области была представлена уникальная экспозиция «Трагические страницы истории Челябинской области». На баннерах продемонстрированы подлинные документы — свидетельства массовых политических репрессий, материалы архивно-следственных дел репрессированных, чудом сохранившиеся фотографии. На одном из баннеров представлены под-

области — в возложении цветов к памявному месту жертв политических репрессий Ульяновской области. Обычно в Ульяновске День памяти жертв репрессий — это мероприятие с участием порядка 150 человек, с привлечением телевидения и чиновников. В связи с очень тяжелой ситуацией с эпидемией коронавируса в регионе абсолютно все массовые мероприятия были отменены на длительный срок.

Сергей ПИСКУНОВ,
Ульяновский «Мемориал»

ХАБАРОВСК

В этом году из-за ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, 30 октября отметили без традиционной литургии в Спасо-Преображенском соборе и митинга у памятника на месте «пересылки» в районе нынешнего Института культуры.

Сейчас в Хабаровске собирают информацию на еще один, седьмой по счету, том книги памяти жертв необоснованных преследований со стороны сталинского режима. Об этом журналистам сообщил Юрий Люклян, председатель краевого Общества «Мемориал», на церемонии возложения цветов на мемориал жертвам политических репрессий на Центральном кладбище Хабаровска. Собрана информация о более чем 8 тысячах погибших в крае людей. До сих пор всплывают новые, ранее не известные страницы истории. «Я, например, сам только в 2016 году узнал, что в документах органов внутренних дел официаль-

линные письма первого председателя Челябинского облисполкома Михаила Советникова, которые он писал из тюрьмы жене и дочери.

30 октября в Магнитогорске состоялась презентация 12-го тома «Книги памяти» жертв политических репрессий региона. Его автором-составителем выступил магнитогорский историк Геннадий Васильев. В последний том вошло несколько сотен биографий репрессированных в период с 1918-го по 1953 год в Магнитогорске и прилегающих сельских районах.

ЯРОСЛАВЛЬ

Одиночный пикет в память о жертвах политических репрессий провел ЛГБТ-активист Ярослав Сироткин. Он встал возле Знаменской башни в наручниках с плакатом «Душа не знает оков. Нет репрессиям!». Пикет продлился полчаса.

Представители Либертарианской партии в Ярославле пригласили горожан возложить цветы к мемориалу жертвам репрессий и войн XX столетия на территории музея города. Руководство музея специально открыло стеклянные створки часовни, чтобы принесенные цветы сохранились дольше.

По материалам региональных отделений «Мемориала», интернет-изданий «Кавказский узел», «7x7», «Знак.com», Радио «Свобода», социальных сетей.

На снимках: Акции памяти в Вашингтоне и Рязани. Скриншоты видеозаписей.

В прошлые годы почтить память жертв политических репрессий 30 октября в центре Брянска собралось более ста человек. Акция проходила у закладного камня на месте будущего мемориала в сквере на улице Советской, 9. Выступали известные ученые, преподаватели вузов, колледжей, школ, священники, потомки репрессированных, мемориальцы... Студенты и школьники читали стихи Варлама Шаламова, Анатолия Жигулина, Юрия Домбровского. Выступал филармонический ансамбль «Ватага».

Вечер продолжался в галерее Брянского представительства международной ассоциации «Перформенс», где историки и краеведы знакомили собравшихся со своими исследованиями, кинофотодокументами страшного тоталитарного периода 1930-х годов. Мероприятия освещали телерадиокомпании: ВГТРК «Брянск», «Брянская Губерния», «Православная Брянщина».

ИДТИ В БУДУЩЕЕ ЗАТЫЛКОМ ВПЕРЕД...

Но это уже прошлое, и оно хорошо для воспоминаний. А что же мы смогли провести в нынешнее 30 октября? Сейчас в брянском регионе каждые сутки заболевает коронавирусом более 150 человек. В этом году власти разрешили только возложить цветы к закладному камню. Возложить — не собираясь группами, не проводя митинга, не привлекая студентов и школьников.

Связавшись по телефону с нашими активистами, я узнал, что многие из них заражены. По болезни не смогла участвовать в акции главный инициатор создания будущего мемориала жертвам политических репрессий историк-краевед Алевтина Евдокимовна Пастухова. В 1937 году были репрессированы ее 12 родных и близких, проживавших в селе Овстуге Брянской области, на родине поэта Ф.И.Тютчева, в том числе ее дедушка, крестьянин Дмитрий Васильевич Киселев, бывший депутат царской IV Государственной Думы, стараниями которого были построены в селе почтовое отделение, здание земской управы, а в древнем соседнем городе Вщиже (сейчас село) — церковно-приходская школа. Приблел и профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского Александр Михайлович Дубровский, студенты которого занимаются исследованиями тоталитаризма в нашем крае.

Не пришел 30 октября к закладному камню и руководитель отдела агиологии Брянской епархии РПЦ МП иерей Виктор Друян. Именно он опубликовал информацию о том, что за исповедание православной веры в XX веке на Брянщине от репрессий пострадали около 2400 священнослужителей, монашествующих и мирян. Расстреляно 144 из них, в основном — духовенство. Девять новомучеников и исповедников Брянской земли были прославлены в лике святых. На основе материалов архивных источников, публикаций и воспоминаний родственников о. Виктора создана библиографическая база репрессированных священнослужителей, монашествующих и мирян, служивших и проживавших в границах современной Брянской области. Работа по установлению имен пострадавших за веру в годы репрессий продолжается и в настоящее время.

Заболел и тележурналист ВГТРК «Брянск» Игорь Довидович, который ранее честно и интересно отражал мемориальные мероприятия. Тем не менее, память о 30 октября, он прислал своего оператора. В по-

востях областного телевидения покосили нас, возлагающих цветы к закладному камню...

30 октября днем автор этих строк и В.А.Лукьянчиков, преподаватель городского лицея № 1 имени А.С.Пушкина, возложили к памявному камню красные розы. У Владимира Анатолевича в самом начале 1950-х годов безвинно приговорили к восьми годам лишения свободы родного отца Анатолия Петровича; пять лет он, награжденный двумя орденами Славы, двумя — Великой Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», провел, поочередно, в трех лагерях Колымы. Мы с помощью горсовета добились наименования одной из новых улиц Брянска его именем.

Вслед за нами возложила к памятнику цветы Светлана Васильевна Жданова. Она поведала, как именно 30 октября 1937 года были арестованы ее дедушка Петр Кузьмич Клопов со своими братьями — Ефремом Кузьмичем и Павлом Кузьмичем. У каждого из них было по пять детей. Дедушка отмечал день рождения одного из сыновей. На торжество пришел и родственник из соседней Польши. В их дом в деревне Заболотье Ушачского района Витебской области БССР вошли чекисты. Задержали дедушку, двух его братьев и польского гостя. 15 ноября 1937 года всех осудили по статьям 64, 71, 76 УК БССР, признав «агентами польской разведки». Приговор: ВМН. Военный трибунал реабилитировал их в 1959 году. В архивном деле дедушки С.В.Ждановой в УКГБ Витебской области есть такое заключение следователя: «Знал дорогу за границу...». Вот за это и расстрел.

Светлана Жданова рассказала о репрессированном в Беларуси муже ее тети — Дмитрии Полозове, который вскоре после ареста погиб на Беломорканале, а чекисты присылали тете, по ее запросу, живые сообщения о том, что ее муж живой.

Затем к памявному камню возложили цветы Владимир Викторович Крашенинников, историк, автор многих книг по брянскому краеведению. Он первым занялся исследованием истории жертв политических репрессий в нашем крае. Изучил тысячи дел и установил примерное количество репрессированных, которые были реабилитированы с 1955-го по 1965 год. Так, в Брянской области только за два года — 1937-й и 1938-й — под-

вернулись репрессиям более 15 тысяч человек — каждый сотый брянец. По уточненным данным, всего в 1930-е годы было репрессировано около 18 тысяч человек. Из них каждый четвертый — расстрелян.

Возложили цветы к камню краевед, председатель Совета ветеранов Брянского регионального объединения проектировщиков Евгения Семеновна Ильченко, профессор Брянского государственного инженерно-технологического университета Александр Васильевич Горюков, преподаватель Брянского филиала РАНХиГС Евгений Александрович Кляченков. Кстати, последний ныне исследует репрессии против евангельских христиан-баптистов и других протестантов на Брянщине.

Макет памятника, установления которого мы добиваемся в сквере, представляет собой вылитую из бронзы девочку, которая держит в руках маленький узелок. Она замерла и провожает в неизвестность своих родителей. Рядом с ребенком на бетонной стене высечена цитата из «Реквиема» Анны Ахматовой.

Трагедия народа показана через детское горе. Напротив сквера — здание бывшей Брянской тюрьмы (ныне — СИЗО № 1 УФСИН РФ по Брянской области), где приговоры приводились в исполнение. Ранее, до пандемии, в сквере отдыхали сотни горожан. И никто из них, веселясь, не знал, что они ходят буквально по могилам безвинно убиенных...

В настоящее время, когда Брянщина переживает тяжелые и опасные времена, сбор средств на монумент у нас идет очень тяжело. С департаментом внутренней политики и Советской районной администрацией Брянска удалось достигнуть компромиссного решения: органы власти согласны облагородить место под будущий монумент, которое получит официальный статус «Сквер Памяти». Глава брянской администрации Алексей Николаевич Колесников «добыл» на эти цели 230 тысяч рублей. Но возникла «финансовая пауза» с правильным оформлением этих средств. Надеемся, что — временная. (О поисках финансирования, места и спорах о памятнике «30 октября» писала в № 142.)

Итак, к закладному камню легли наши живые цветы. У его подножия мы зажгли поминальные свечи. Почтили минутой молчания память репрессированных. И невольно вспомнились слова нашего великого земляка Ф.И.Тютчева: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим». Как говорит пословица, приписываемая китайцам: «В будущее надо идти затылком вперед», то есть вглядываясь в прошлое. Все нашей стране надо идти затылком вперед, чтобы не повторилось тоталитарное прошлое.

Николай ПОЛЯКОВ,
юрист юридической Сети
«Миграция и Право»
ИЦ «Мемориал», председатель
Брянского «Мемориала».

На снимке: у закладного камня в Брянске 30 октября 2020 года: краевед Евгения Ильченко, профессор Александр Горюков, Владимир Крашенинников, председатель Брянского «Мемориала» Николай Поляков, жительница Брянска Светлана Жданова, в семье которой четверо были безвинно осуждены как польские шпионы и уничтожены, историк Евгений Кляченков. Фото автора

ДЖАЗ ЭДДИ РОЗНЕРА В ЛАГЕРЯХ

Фестиваль джазовой музыки памяти Эдди Рознера прошел 11 октября во Дворце культуры авиастроителей в Комсомольске-на-Амуре. Его организатором выступило городское общество «Мемориал». В 2020 году всемирно известному музыканту Адольфу (Эдди) Рознеру исполнилось бы 110 лет.

Эдди Рознер родился в Берлине в 1910 году, здесь же получил музыкальное образование и стал работать в разных музыкальных коллективах, весьма популярных в то время.

Когда в 1933 году нацисты пришли к власти, он был вынужден бежать в Польшу, а своих родных — семью у Рознеров была большая — переправить в Латинскую Америку. Не желая быть тезкой лидера немецких нацистов, Рознер использовал в качестве артистического псевдонима короткую форму своего имени — Ади (читавшуюся в английской транскрипции как Эди). В середине 1930-х Рознер собрал собственный джазовый оркестр, с которым гастролировал во Франции, Латвии и других европейских странах, записывался на пластинки, играл на двух трубах одновременно. Попав в 1939 году в Советский Союз, он организовал государственный джаз-оркестр Белоруссии и стал его руководителем.

В годы Великой Отечественной войны Рознер ездил с концертами агитбригад по фронтовым дорогам. Со своими концертами он выступал и в тылу.

После войны, на фоне разворачивающегося антисемитизма и борьбы с космополитизмом, началась охота на любые западные влияния. 18 августа 1946 года газета «Известия» опубликовала знаменитую статью «Пошлость на эстраде». После этого Рознер принял решение вернуться в Польшу. Однако делать это ему пришлось нелегально, и 28 ноября 1946 года он был задержан Львовским управлением НКГБ.

Когда Эдди Рознер оказался на Лубянке, там обвинили музыканта в «измене родине», просто сославшись на джазовый характер исполнявшейся им музыки.

Из протоколов становится понятно, что в 1947 году мать Рознера была еще жива. На допросах его спрашивали: «Вы же хотели увидеться с вашими родственниками? Вы же хотите увидеться с вашей матерью, поехать в Америку?» «Да, хочу, — отвечал Рознер, — но ведь речь идет о Южной Америке, не о Штатах!» Ему говорили: «Какая разница! Америка есть Америка!»

Рознеру дали 58-ю статью. Он получил 10 лет лагерей и был отправлен в Магадан. Однако Управление лагерей задержало его в Хабаровске: очень хотелось иметь в лагере свою знаменитость. Ему было разрешено даже перечитывать формуляры на заключенных с указанием их специальности. Через два года Рознера перевели в Комсомольск-на-Амуре. Комсомольская жизнь его длилась тоже два года, и здесь он создал джаз-оркестр, концертные программы, с которыми многократно выезжал в лагерь, в амурские села. Здесь ему позволили собрать и возглавить оркестр. Рознеру даже было разрешено общаться с местными жителями вне лагерей. Он выходил за ворота, имея возможность выступать.

В лагере у него начался авитаминоз. У него начали шататься зубы. Он перестал играть на трубе, стал играть на скрипке, тем более что в Берлинской консерватории как раз и учился по классу скрипки.

7 июля 1952 года по этапу через порт Ванино Рознер был доставлен в Магадан, где он переклужился написание аранжировок, стал дирижировать. Когда он снова оказался в Москве, то поначалу боялся играть, но пересилил себя — и снова заиграл на трубе.

Интересно, что после освобождения, в конце 1960-х годов, будучи уже вольным человеком, Рознер вернулся на Дальний Восток и организовал длительные гастроли своего эстрадного оркестра по городам, где ранее был в заключении...

В 1999 году на здании Хабаровского краевого театра драмы, где когда-то располагался клуб НКВД и неоднократно выступал музыкант, установлена мемориальная доска. Мемориальная доска Э.Рознеру установлена и в г. Комсомольске-на-Амуре.

11 ноября 2020 года джазовый фестиваль, носящий имя Эдди Рознера, открывал военный оркестр Комсомольского гарнизона. Он исполнил композиции Стива Райта, Телониуса Монка и Джо Хендерсона. Затем свою партию на саксофоне сыграла Эльвира Дербушева. Она прекрасно исполнила композиции

Сонни Роллинза и Бенни Голсона. Ну а молодые музыканты из ансамбля «Юность» вместе с солисткой Евой Шмотиной заставили весь зал подпевать и пританцовывать.

В программу фестиваля вошли выступления детей из музыкальных школ Комсомольска и села Хурба, джаз-группы «Циркуль» городского Драматического театра, группы «Токарев и К», оркестра популярной и джазовой музыки под управлением заслуженного работника культуры РФ Александра Юрковского.

В качестве ведущей мероприятия была приглашена музыковед из Хабаровской филармонии Ирина Батраченко. Объявляя музыкальные номера, она рассказывала об интересных моментах из жизни Эдди Рознера.

Видеообращение к участникам фестиваля прислал сын Эдди Рознера, Владимир Адольфович Рознер, который рассказал об уникальной судьбе своего отца, поблагодарил всех музыкантов, организаторов и любителей джаза, которые пришли на концерт. Были показаны фрагменты документальных фильмов об Эдди Рознере.

Фестиваль прошел благодаря конкурсу региональных микропроектов 2019 года и поддержке «Международного Мемориала».

По мнению многих зрителей и организаторов, такой фестиваль вполне может стать ежегодным и даже получить международный статус. Ведь об Эдди Рознере знают во всем мире.

Михаил РАДОХЛЕБ,
отделение ИЦ «Мемориал»
в Комсомольске-на-Амуре

На снимке: Эдди Рознер. Кадр фильма «Джазмен из Гулага»

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ДАГЕСТАНСКИХ ИМЕН

Второй том «Книги памяти» Дагестана подготовлен к печати сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН и УСФСБ. Но напечатать к 30 октября его не успели из-за большого объема представленной информации. Однако том размещен в Интернете и доступен пользователям. В книге 8659 имен репрессированных и реабилитированных жителей республики за период 1919-1980 годов.

Год назад в Махачкале прошел вечер памяти, на котором преподаватели, историки и другие участники рассказали о судьбах репрессированных земляков. Активисты призвали жителей республики помочь в изучении материалов, переданных из архива УСФСБ по Дагестану в Госархив.

Второй том «Книги памяти» жертв политических репрессий уже подготовлен к печати, сообщил составитель, директор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) РАН Махач Мусаев. Теперь в оба тома вошли около 13 тысяч персоналий — это те репрессированные, которые впоследствии были реабилитированы. «С точностью до ста человек мы уже знаем всех, кто был репрессирован и впоследствии реабилитирован. Однако дела не реабилитированных по-прежнему остаются под грифом «секретно». Их число примерно в пять раз меньше, чем реабилитированных», — уточнил ученый.

Тираж второго тома составит 500 экземпляров, издание профинансировано из внебюджетных средств Дагестанского федерального исследовательского центра. «Мы планировали издать книгу к 30 октября, Дню памяти жертв репрессированных. Но, к сожалению, не успели. Она получилась достаточно объемной, порядка 800 страниц. Сейчас книга находится уже в типографии, и мы рассчитываем, что скоро она будет готова и мы сможем направить ее в районные архивы и библиотеки», — сказал Мусаев. Электронная версия издания будет в открытом доступе размещена в разделе «Библиотека» на сайте института.

Дела реабилитированных жертв репрессий частично хранятся в архивах Федеральной службы безопасности, а частично переданы ведомством в Государственный архив Дагестана. «Информация по персоналиям репрессированных и реабилитированных, хранящаяся в Госархиве, была обработана нашим исследователем Сагимом Сулеймановым и опубликована в 2015 году. В эту книгу вошли свы-

ше четырех тысяч имен. Во втором томе, готовом к выходу, будет обнародован список репрессированных и реабилитированных, дела которых остаются в фондах УСФСБ республики», — пояснил Махач Мусаев.

«ОЧЕНЬ АККУРАТНАЯ РАБОТА»

Инициатива по обнародованию этих данных принадлежит дагестанскому управлению ФСБ, отметил директор института. «Этот труд — совместная работа УСФСБ Дагестана и нашего института. И вклад управления весьма значительный. Сотрудники управления сами составили эти спи-

вать дополнительную информацию о человеке — его образовании, должности до ареста, составе семьи. Но эту работу изначально не делали, и, чтобы дополнить имевшиеся сведения, пришлось бы заново поднимать более пяти тысяч дел. Все это заняло бы еще два года. Поэтому мы обсуждали вариант подождать два года или же публиковать в том виде, который есть. И в итоге пришли к выводу, что хоть методологически это может быть несовершенным продуктом, но в то же время всю необходимую, хоть и минимальную, информацию о человеке он все же дает», — отметил он.

Обложка уголовного дела по обвинению Волкова Д.Н., Хидирбекова М.Г., Абасова А. и др.

Волков Демьян Николаевич, дата съемки 23.06.1912 г., место съемки г.Владикавказ

ски и обратились к нам в институт за методологической помощью. Однако, как правило, такие работы должны проводиться независимыми исследователями, которые должны лично удостовериться в точности предоставленных данных. Я занимался сверкой предоставленной информации с материалами дел. Стоит отметить, что сотрудниками ведомства была проведена очень аккуратная работа, расхождения были только в единичных случаях», — отметил Мусаев.

В книге указаны полные имена, фамилии и отчества 8569 репрессированных, дата и место рождения, дата ареста, информация о приговоре, а также то, когда и кем репрессированный был реабилитирован, указал Махач Мусаев.

Собственные имена приведены в той форме, в которой они указаны в следственных делах. Сличение фамилий и имен одних и тех же лиц в разных делах показывает, что написание их относительно одного и того же человека может различаться.

В этом случае имена в иной форме, как и девичьи фамилии, указаны в скобках. Различия в орфографии встречаются и в местах рождения.

Зачастую в следственных делах указана не дата рождения подсудимого, а его возраст. В этом случае мы высчитывали год рождения персоналии, чтобы добиться единообразия при публикации. По всей видимости, часто возраст определялся визуально. Это видно на примере дел относительно одних и тех же лиц, которые находились под следствием в разное время.

«Принцип составления книги обсуждался на нашем ученом совете. Я и мои коллеги считали, что необходимо также опублико-

«НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ — РАЗНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ»

подавляющее большинство были осуждены по различным пунктам статьи 58, а в редких случаях статьи 59 УК РСФСР, введенным в действие 1 января 1927 года. До 1927 года приговоры выносились без юридической квалификации, например, «Постановлением коллегии Дагоблчека».

В редких случаях можно встретить ссылку на Советское уголовное уложение, разработанное Наркомюстом РСФСР в марте 1918 года на основе Уголовного уложения 1903 года. Судебные же функции осуществлялись различными органами: военными трибуналами, судами общей юрисдикции, коллегиями и тройками органов безопасности.

Составители отмечают, что органы, ответственные за следствие и суд, руководствовались внутренними документами. Даже в делах лихолетья (1919-й и последующие годы) велись протоколы допросов и обысков, свидетельских показаний, имелись вещественные доказательства и другие элементы следственных действий.

По словам Мусаева, репрессии затронули практически все слои населения. «На разных этапах [у спецслужб] были разные приоритеты. В 1920-е годы в основном это были денкинские офицеры, воевавшие против Красной армии в составе войск Гоцынского и Узуна Хаджи. Чуть позже пошли репрессии против религиозных авторитетов, а также христианских сектантов. В конце 1930-х годов репрессиям подверглась в большей степени образованная

часть населения, а также начали задерживать тех, кто негативно отзывался о советской власти, то есть пошли политические репрессии. В 1940-е годы репрессиям подвергались прежде всего те, кто высказывал пораженческие настроения, осуждал советскую власть», — рассказал ученый.

Наиболее ранний пример репрессий во втором томе — арест и расстрел белогвардейского офицера в 1919 году, а самый поздний — уголовное преследование математика и философа Вазифа Мейланова.

В 1980 году Вазиф Мейланов был арестован и осужден Верховным судом ДАССР за акцию в поддержку Андрея Сахарова, написание работы «Заметки на полях советских газет», а также за распространение запрещенных книг к семи годам лагеря строгого режима и двум годам ссылки. Срок отбывал в лагере для особо опасных государственных преступников «Пермь-35» и Чистопольской тюрьме. За отказ от принудительных работ весь срок провел в карцерах и штрафных изоляторах. Из ссылки в Махачкалу Вазиф Мейланов вернулся лишь 25 декабря 1988 года, уже здесь написал несколько книг, среди которых «Анализ чеченского кризиса» (1998), «Ложные стереотипы российской демократии» (1998), «Опыт частной политической деятельности в России» (2003). В 1990 году Мейланов был реабилитирован. Он скончался в Махачкале в январе 2015 года.

материалах не указана. «К материалу прилагается справка, в которой говорится, что вынесен смертельный приговор, и указана дата его исполнения. Очень редко между ними короткий промежуток времени. Конкретных фактов или документов, которые бы указывали на место исполнения приговора, у нас пока нет. Возможно, жителей республики вывозили в соседние регионы. Но мы надеемся, что сотрудничество со службой безопасности будет продолжено и мы сможем какие-то исторические загадки и неясные вопросы прояснить», — предположил исследователь.

Предположительное место захоронения жертв репрессий находится между Махачкалой и Каспийском и огорожено бетонным забором, указал ранее активист Ахмед Мужаидов. Провести на этой территории археологические раскопки, чтобы собрать все останки и перезахоронить их там же в братской могиле, невозможно, так как эта территория находится под «оперативным управлением» силового ведомства, которое не дает разрешения для проведения там каких-либо работ и установления мемориала, посетовал он.

Репрессии в Дагестане изучались и раньше, книги об этом издавались еще в 1990-х годах, и второй том «Книги памяти» жертв политических репрессий восполнит имевшиеся пробелы в изучении тех событий, отметила ответственный редактор тома, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН Лейла Каймаразова. «Мы не первопроходцы в этом деле. У нас в институте был отдел по публикациям исторических источников. И еще в 1997 году был подготовлен сборник документов и материалов по репрессиям 30-х годов», — сказала она.

По ее словам, Дагестан отстал от других регионов страны в работе по восстановлению памяти о жертвах репрессий. «Первая «Книга памяти» жертв политических репрессий в России вышла еще в конце 1980-х годов. Основная часть ре-

Волков Демьян Николаевич, место съемки г.Санкт-Петербург

Волков Демьян Николаевич, место съемки г.Ереван

МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ РАСТРЕЛЯНЫХ НЕ УКАЗАНЫ

Интерес к этой теме в республике проявляют в основном потомки репрессированных, отметил Мусаев. «Но их интересует этот вопрос не как проблема, а как история трагедии семьи. Общественных движений и настроений, которые считают это проблемой, показывающей негативный опыт государства, к сожалению, нет. Есть только маленькие группы людей, которые задумываются об этом и считают, что об этом надо говорить много и распространять информацию прежде всего для того, чтобы эти ошибки послужили уроком истории», — сказал он.

Информация о местах захоронения тех репрессированных, которые были расстреляны, в архивных

регионов издавала их в 1990-е — начале двухтысячных. Но мы рады, что подобная работа проделана и у нас», — отметила Каймаразова.

Выход книги будет важным событием не только в научной жизни республики, но и общественной, предположила Каймаразова. «Родственники тех людей, данные о которых будут опубликованы в «Книге памяти», смогут узнать о судьбах своих близких и смогут получить более полную информацию о них», — сказала она.

Мурад МУРАДОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Составитель второго тома «Книги памяти» Махач Мусаев. Фото Дагестанского отделения РФО. Страница из нового тома

ОБ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ТУВЕ

История политических репрессий в Туве (Тыве) достаточно насыщена и неоднозначна, если учитывать местную специфику. Вряд ли можно встретить другую российскую Республику, где репрессировали коня вслед за его хозяином, а клановая система сыграла губительную роль в усилении репрессивной политики тоталитарного режима. Музей истории политических репрессий, который находится в самом центре столицы Тувы города Кызыла, подготовил для «30 октября» очерк об истории репрессий в регионе.

Республика Тыва стала последним субъектом Российской Федерации, вошедшим в ее состав только в 1944 году. По данным прокуратуры Республики Тыва, количество жертв политических репрессий в регионе составило 1 286 человек, что достаточно много для малонаселенного региона.

Урянхайский край, как называли регион до 1921 года, многие века находился под гнетом Монгольской империи и ее наследников. В 1758 году край вошел в состав Цинской империи. Маньчжуро-китайское иго продолжалось до Синьхайской революции 1911 года. Монголы и тувинцы сумели обрести независимость в 1912 году, после Кобдинского сражения. Эти два народа были союзниками еще во времена империи Цин, но управлялись двумя разными администрациями, почему и стали считать друг друга разными политическими субъектами. По причине слабого уровня социально-экономического развития, малочисленности населения и уязвимости границ в

вительства ТНР состоял преимущественно из феодальной аристократии во главе с Монгуш Буян-Бадырды. В 1922 году при участии Сибирского райбюро РКП(б) была создана Тувинская народно-революционная партия (ТНРП). В состав ТНРП набирали в основном представителей аратской (араты — кочевые крестьяне) бедноты. Именно эта партия помогала экспортировать большевистскую революцию на территорию Тувы.

ХЕМЧИКСКОЕ ВОССТАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Уже в 1923 году произошел первый конфликт между ТНРП и правительством ТНР, который был урегулирован при вмешательстве Коминтерна. Тогда же были приняты законы, отменявшие все дореволюционные чины, знаки отличия и привилегии, фактически уравнивая всех граждан ТНР в правах. Однако это не решило многих социальных вопросов, и летом 1924 года в стране произо-

1914 году край был принят под протекторат Российской империи, прошение о котором было написано императору Николаю II гунн-нойоном Даа хошуна (самого многонаселенного и крупного в Урянхайском крае) Монгушом Буян-Бадырды. (Хошунами назывались военно-феодалные уделы в годы Цинской империи, позже от них произошло слово «кожуун» — нынешнее наименование муниципальных районов в Республике Тыва. Гунн-нойон — аристократическое звание, равное генерал-майору. Даа хошун был одним из самых крупных по территории и населению, поэтому его правитель был достаточно влиятельным. Вторым по значимости был Бээзи хошун.)

После Февральской и Октябрьской революций 1917 года протекторат России над Урянхайским краем формально продолжался. Уже весной 1918 года до его границ добралась Гражданская война, продолжавшаяся в регионе до 1921 года, когда были уничтожены китайские интервенты во главе с Яном Ши-Чао и белогвардейские отряды А.С.Бакича.

В соответствии с ленинским принципом самоопределения народов, в августе 1921 года на Всетувинском учредительном хурале (съезде) было объявлено о создании суверенной Тувинской Народной Республики (ТНР), там же приняли ее первую Конституцию. Первый состав пра-

шло Хемчикское восстание, участники которого стремились восстановить дореволюционные порядки и добиться присоединения Тувы к Монголии. Восстание удалось подавить при помощи дипломатии, но оно оставило глубокой трещину в отношениях между ТНРП и бывшей феодальной элитой.

В 1925 году был подписан советско-тувинский договор о дружбе и взаимном сотрудничестве. Тогда же первые группы студентов из Тувы начали обучаться в образовательных учреждениях СССР. Помимо кавалерийских школ, педагогических и медицинских училищ, тувинских студентов принимали и в Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В.Сталина (КУТВ), где фактически готовили будущих руководителей Тувы. Одним из первых его выпускников в 1929 году стал Салчак Тока, который безраздельно будет править Тувой до самой своей смерти в 1973 году, он же был первым коммунистом Тувы, вступив в 1929 году в ВКП(б).

В том же году в Туве прокатилась первая волна репрессий, продолжавшаяся до 1933 года. В это время из правительства и партии были изгнаны все бывшие феодалы, в их числе и основатель государства Монгуш Буян-Бадырды.

На VII съезде ТНРП в октябре 1929 года был объявлен курс на пе-

реход Тувы к некапиталистическому пути развития. Начался болезненный процесс коллективизации, «раскулачивания» зажиточных и середняцких хозяйств, лишения избирательных прав бывших феодалов и священнослужителей, а также масштабная антирелигиозная кампания.

В 1930 году, благодаря созданию тувинской письменности (до этого все делопроизводство вели на старомонгольском языке), началась культурная революция, включавшая масштабную борьбу с неграмотностью и пропаганду идей большевизма среди широких аратских масс. Примечательно, что первым автором проекта тувинского алфавита в действительности был буддийский лама Монгуш Лоопсан-Чимит, о чем замалчивалось вплоть до 1990-х годов. Лоопсан-Чимит в 1941 году был расстрелян как «враг народа». Борьба с религией была разрушительной. В 1929 году расстреляли Ондара Лопсан-Чамзы — камбы-ламу (верховного ламу) Верхнечаданского монастыря (самого крупного в Туве) — из-за того, что в 1918 году он возглавлял дипмиссию в Омске с целью присоединения Тувы к Российскому государству Колчака. Уничтожение буддийских монастырей было массовым, к 1940-м годам из 26 буддийских монастырей страны не сохранилось ни одного.

Из-за коллективизации 1930-1932 годов по Туве прокатилась волна крупных, но не связанных друг с другом восстаний, которые жестоко подавлялись новой властью. В организации восстаний обвинили 16 бывших руководителей Тувы во главе с Буян-Бадырды, которые в действительности не имели к ним отношения, так как к тому времени находились в заключении. Это не помешало судебной коллегии ЦК ТНРП (заметьте, партийный орган!) в марте 1932 года приговорить их к высшей мере наказания — расстрелу. Эти люди были реабилитированы только в 2007 году, процесс затянулся из-за отсутствия их уголовных дел. До сих пор неизвестно, где они захоронены. Памятник основателю тувинского государства Монгушу Буян-Бадырды открыли в 2014 году, когда праздновалось 100-летие единения России и Тувы.

«НОВЫЙ ПОЛИТИКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КУРС»

К 1933 году ТНРП оказалась настолько непопулярной, что она официально была вынуждена признать коллективизацию провальной. На чрезвычайной сессии Малого Хурала был избран «новый политико-хозяйственный курс» (так и назывался), фактически «тувинский НЭП», который предусматривал возрождение, наряду с кооперативным, частного хозяйства. Благодаря этому курсу в середине 1930-х годов в Туве начался заметный экономический подъем, продолжавшийся до начала Великой Отечественной войны. ТНРП же была объявлена «первым помощником» правительства, что значительно приподняло ее статус. Свою руководящую роль в Туве партия вернет себе лишь после вступления

в ряды Коминтерна на правах «социалистической организации» в августе 1935 года.

Внутри тувинских элит возник заметный раскол. С одной стороны, власть контролировали «правые оппортунисты» во главе с председателем Совета министров Сатом Чурмит-Дажы и председателем президиума Малого Хурала Адыг-Тюлюшом Хемчик-оолом. Будучи главами исполнительной и законодательной ветвей власти соответственно, они выступали первыми лицами государства и стремились отдалить ТНРП от управления государством, входя при этом по должности в президиум ЦК ТНРП. В 1936 году они пытались сместить Тока с должности председателя президиума ЦК ТНРП, сменив его на Оюна Танчая — председателя Госбанка ТНР, но не смогли заручиться поддержкой Коминтерна.

С другой стороны, за власть боролись «левые сталинисты» во главе с Салчаком Тока, выступавшие за продолжение политики коллективизации и централизации власти в руках ТНРП. Несмотря на то, что фактически Тока был третьим лицом в государстве, в его руках сосредотачивалась вся кадровая политика. Именно поэтому в 1936 году он добился реформирования органов внутренних дел, создав МВД ТНР во главе с Оюном Полатом. Новый министр начал активно перенимать опыт работы НКВД СССР, напрямую взаимодействуя с М.П.Фриновским, заместителем Н.И.Ежова, и принимая инструкторов из НКВД СССР. Была создана судебная коллегия МВД ТНР, полностью копировавшая работу внесудебных троек в СССР. Как и Тока, Полат был выпускником КУТВ и входил в число «левых сталинистов» Тувы, которых еще называли «кутвянами».

ПРОЦЕСС НАД «ПРАВЫМИ ОПОРТУНИСТАМИ»

С началом «Большого террора» в СССР в Туве решили устроить крупный показательный судебный процесс над «правыми оппортунистами». Тока и Полат поступили хитро. В декабре 1937 года был арестован государственный прокурор ТНР Кара-Сал Пиринлей, который отказался дать санкции на арест членов группы Чурмит-Дажы из-за отсутствия веских оснований. Затем арестовали председателя Госбанка ТНР Оюна Танчая — за создание «контрреволюционной троцкистской шпионской организации». Клеймо «танчаевца» было аналогично клейму «троцкиста» в СССР. В действительности Танчая арестовали за критику Тока и других однопартийцев, слепо копировавших советский опыт без учета местной специфики.

Вслед за Пиринлеем и Танчаем летом 1938 года были арестованы бывший комиссар армии и председатель самоуправления города Кызыла Кужугет Серен, министр торговли и промышленности Сат Лопсан, директор государственной типографии Ховалыг Тоткан и заместитель прокурора Оюн Сенгиижик. Всех этих людей объявили участниками контрреволюционной группы «тан-

чаевцев» и обвинили в шпионаже в пользу империалистической Японии.

30 августа 1938 года на объединенном заседании президиума ЦК ТНРП и президиума Малого Хурала ТНР министр внутренних дел Оюн Полат выступил с докладом «О раскрытии группы контрреволюционных танчаевцев», открыто обвинив Сата Чурмит-Дажы и Адыг-Тюлюша Хемчик-оола в организации этой группы. Их арестовали сразу после заседания. Последним 3 сентября 1938 году по печально известному «Делу девяти» был арестован Куулар Сунгар-оол — секретарь президиума Малого Хурала, помощник Хемчик-оола.

Всех арестантов жестоко пытали в стенах спецкомендатуры МВД ТНР, где в настоящее время располагается здание Музея истории политических репрессий в Туве и офис Тувинского «Мемориала». После допросов с пытками многие арестанты оговорили себя и друг друга. Чрезвычайная судебная коллегия Верховного суда ТНР 13 октября 1938 года приговорила всех к высшей мере наказания — смертной казни через расстрел с полной конфискацией имущества. В последний момент Ховалыгу Тоткану и Кужугету Серену смертную казнь заменили на восемь лет заключения. Приговор был приведен в исполнение 16 октября 1938 года. Всех участников «Дела девяти» реабилитировали в 1964 году. Захоронение расстрелянных до сих пор не найдено, хотя в 1994 и 2008 годах были попытки найти место расстрела. В 1994 году в местечке Агар-Элезин неподалеку от Кызыла были найдены останки человека, расстрелянного в 1940-х годах. Однако установить его личность оказалось невозможно. Останки перезахоронили в том же месте, положив сверху белую каменную плиту в память о жертвах репрессий.

Примечательно, что, в отличие от суда над Буян-Бадырды и другими бывшими феодалами, суд над «танчаевцами» был открытым и показательным. Обвиняемых резко критиковали и подвергали травле в периодической печати. На них рисовали карикатуры, а их родственников подвергали гонениям, лишали базовых гражданских прав, даже детей из школ выгоняли. Показательный судебный процесс над государственными деятелями всколыхнул тувинскую общественность, вызвав волну подозрений и паранойи, что только подпитывало мощную репрессивную машину, запущенную в 1938 году. Судебная коллегия МВД ТНР при содействии НКВД СССР получала полную свободу действий, подвергнув репрессиям все слои населения Тувы. Тоталитарная власть ТНРП и ее генерального секретаря Салчака Тока только усиливалась, фактически им был сформирован свой культ личности.

КЛАНОВАЯ СИСТЕМА

Существенную роль в ужесточении репрессивной политики сыграла клановая система тувинского общества. Зачастую людей арестовывали целыми семьями. Например, одних только родственников Хемчик-оола из клана Адыг-Тюлюш репрессиро-

вано 14, а из клана Соян, живущего на юго-востоке Тувы, у границы с Монголией, репрессировано 75.

Об абсурдности репрессивной политики Тувы говорит хотя бы тот факт, что ее жертвой стал конь Эзир-Кара. Это единственный в истории случай, когда репрессированным признают не человека, а животное. Хозяин этого коня Соян Санданмаа оказался «врагом народа», поэтому животное отправили на тяжелую работу в тайгу, где конь и сгнил. До сих пор тувинцы считают коня Эзир-Кара символом свободы и непокорности тоталитарному режиму.

В годы Великой Отечественной войны в Республике было объявлено военное положение, из-за чего МВД ТНР получило практически безграничные возможности. Оюн Полат, возглавив президиум Малого Хурала, позднее сам попал в опалу, но избежал репрессий, в отличие от нового председателя Совета Министров ТНР Алексея Баира, который до

этого был помощником самого Тока. Новый глава МВД Николай Товариштай окажется не менее кровавым, чем Полат, и, как и тот, избежит наказаний за свои преступления в последующие годы.

В докладе «Роль Тока в деле укрепления органов УГВПО — ВУОС — МВД ТНР», посвященном 15-летию МВД ТНР, отмечалось: «Нужно прямо сказать, что не было ни одного серьезного дела в МВД, которым бы товарищ Тока не интересовался и не давал бы своих правильных и всеобъемлющих революционно-партийных указаний». Автором доклада был Николай Товариштай, который позднее пытался открититься от обвинений в свой адрес, ссылаясь на руководство Тока в годы репрессий. Даже в годы террора в Туве исполнители прямым текстом старались возложить ответственность на «тувинского Сталина». Однако развенчание культа личности Сталина в 1956 году не привело к отстранению от власти в Туве Салчака Тока, тот спокойно возглавлял регион до своей смерти в 1973 году.

21 июля 1943 года секретарь ЦК ТНРП Салчак Тока от имени Лаврентия Берия был награжден почетным знаком НКВД «Заслуженный работник НКВД СССР», что породило множество слухов о связях Тока с советскими чекистами. В том же 1943 году Лаврентий Берия был награжден высшей наградой ТНР — Орденом Республики.

Репрессии в ТНР длились вплоть до вхождения Тувы в состав РСФСР. Последний приговор суда был вынесен за день до «знаменательной даты» 11 октября 1944 года, когда был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о принятии Тувы на правах автономной области в состав РСФСР.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Новый виток репрессий в Туве начался в 1948 году. Вероятно, причиной тому было усиление сталинских репрессий во всем СССР в кон-

це 1940-х из-за обострения международных отношений после Второй мировой. Началась новая волна депортаций народов и антисемитизма. На этом фоне в Туве обострилась борьба с так называемым «буржуазным национализмом». В те годы русских граждан тувинцам было запрещено называть «русскими», благодаря чему возникло слово «хаматы» («гражданин»), которым определяли всех граждан нетувинского происхождения. Пресловутая ст. 58 УК РСФСР вменялась представителям местного населения за проявления «буржуазного национализма».

Хрестоматийным примером такого рода можно назвать «Дело тувинских писателей». Сергей Пюрбю и Монгуш Идам-Сюрюн, талантливые и влиятельные писатели, были обвинены в «буржуазном национализме», поскольку якобы распространяли через свои произведения антисоветскую пропаганду. В своих произведениях они ни разу не упоминали о «достижениях партии». Обоих писателей осудили на 10 лет ИТЛ по ст. 58-10 УК РСФСР. Оба сидели до марта 1953 года в Карагандинском ИТЛ, пока их не освободили досрочно после смерти Сталина.

В 1952 году последнее крупное уголовное дело политического характера на территории

Тувы было открыто органами МГБ СССР в Сут-Хольском районе, за что получило название «Сут-Хольское дело». По нему было арестовано 16 человек, которые являлись работниками местного райкома ВКП(б), колхозниками, учителями и чабанами. В октябре 1952 года военный трибунал войск МГБ приговорил троих подсудимых к высшей мере наказания — смертной казни через расстрел, еще двенадцать — к 25 годам лишения свободы, а одного — к 10 годам. Как и «Дело девяти» 1938 года, «Сут-Хольское дело» могло запустить по всей Туве новую волну массовых репрессий. В марте 1953 года были осуждены члены еще одной «буржуазно-националистической» группы из 7 человек. К счастью для всех фигурантов «Сут-Хольского дела», сразу после смерти Сталина они были амнистированы, а приговоры военных трибуналов отменены.

Именно «Сут-Хольским делом» был завершен период сталинских репрессий в Туве. Разумеется, точечные политические репрессии в Туве продолжались и в последующие годы. До сих пор остается неизученной история тувинского диссидентства.

Оттук ИРГИТ,
член президиума региональной общественной историко-просветительской организации Республики Тыва «Мемориал»

На снимках: Буян-Бадыргы — первый руководитель ТНР. 1925 г. Прием парада в честь 15-летия ТНР. На лошадях слева направо — 2 офицера Тувинской народно-революционной армии, Сат Чурмит-Дагы с жестом приветствия Адыг-Тюлюш Хемчик-оол и Салчак Тока.

Салчак Тока на балконе Дома правительства ТНР. 1943 г.

Фото из архива Музея истории политических репрессий Тувы

СВОБОДНОЕ СЛОВО

«ПОСЕВА»

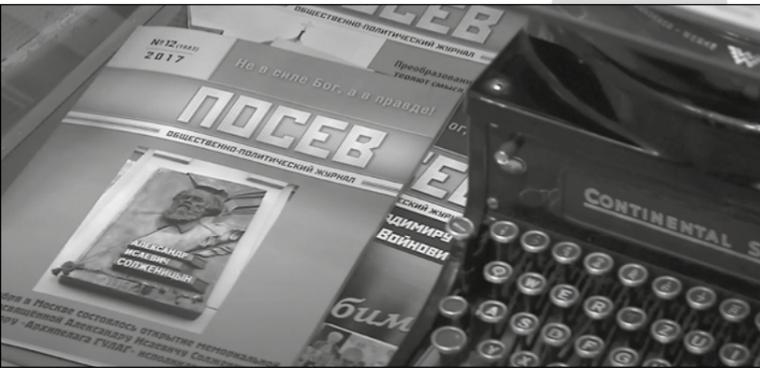
Фотодокументальная выставка «Свободное слово «Посева» прошла в московском Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Она приурочена к 75-летию крупнейшего и наиболее известного издательства Русского Зарубежья второй половины XX века и одноименного общественно-политического журнала. На выставке также рассказывается об истории возникновения журнала «Грани».

Организаторами выставки выступили Дом русского зарубежья совместно с Издательским, исследовательским и просветительским сообществом «Посев» при содействии Общества по развитию взаимопонимания между народами Германии и России «Посев» и Архива Народного Трудового Союза российских солидаристов (НТС).

Из материалов выставки можно узнать об истории издательства «Посев», ставшего впоследствии флагманом неподцензурной литературы, переправлявшейся в СССР и вошедшей в историю как «тамиздат».

История «Посева» началась с издания учебных и справочных пособий сразу по окончании Второй мировой войны в западногерманском лагере политических беженцев из России Менхегоф, ядро которых составили члены политической организации НТС (солидаристов). НТС, в свою очередь, создан представителями белой эмиграции в 1930 году. Вскоре организаторы издательства осознали потребность в периодическом печатном органе для широкого распространения. Решено было выпускать многотиражный еженедельник под тем же названием, что и у издательства, имеющий политическую направленность и выступавший против насильственной репатриации. Первый его номер вышел 11 ноября 1945 года. Помимо «Посева», в Менхегофе начал выходить кварталный журнал литературы, искусства и общественной мысли «Грани».

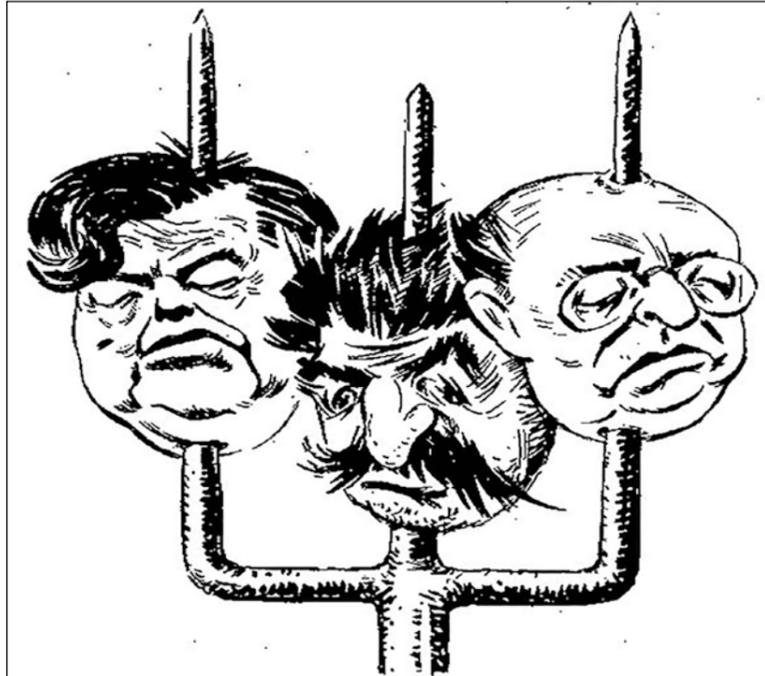
Вскоре в издательстве возникла традиция проводить ежегодные конференции сотрудников и читателей, русских и иностранных, по-

священные обсуждению положения в России и социально-политических проблем современности. Такие конференции «Посева» собирали от 150 до 300 участников, их материалы публиковались на страницах журнала, иногда издавались в виде брошюр. В январе 1952 года «Посев» переехал во Франкфурт-на-Майне.

Еженедельник «Посев» все больше приобретал характер как бы внутрисоветского печатного органа. Его материалы содержали информацию, анализы, прогнозы, суждения о жизни народа, поведении и настроениях общественности, действиях и намерениях властей. В то же время в журнале печатались актуальные публикации авторов из России. Отсюда и происходит термин «тамиздат».

18 июня 1961 года советская агентура бросила бомбу во двор «Посева», повредив окна здания. Хозяин здания отказался продлить договор аренды, и «Посеву» пришлось искать новое помещение. На пожерт-

Ата вины!

НТС

Эту листовку НТС выпустил в 1952 году. Нет уже Сталина, нет Берия, устранил Маленков. Борьба за власть продолжается. Кто следующий?

вованию читателей, выпуск облигаций, распроданных среди эмигрантов, и банковский заем издатели смогли купить земельный участок на окраине Франкфурта-на-Майне и в барачных постройках разместить необходимые службы.

С января 1968 года журнал «Посев» стал выходить ежемесячно. Из СССР продолжала поступать информация о жизни и общественных процессах, но поток материалов

и солидарности», говорится на сайте НТС.

Среди авторов «Посева» были И.Бунин, А.Солженицын (его сотрудничество с «Посевом» посвящено специальный раздел выставки), В.Тарсис, В.Солоухин, В.Максимов, В.Войнович, Л.Бородин, В.Шаламов, В.Гроссман, Ф.Незванский, А.Галич, Н.Горбаневская, Б.Окуджава, Н.Коржавин.

Еще один раздел выставки посвящен истории и издательской деятельности Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС) — одной из старейших эмигрантских политических организаций, которая в этом году отметила 90-летний юбилей.

В экспозиции представлены редкие издания НСРМ-НТС 1930 — 1940-х годов, в том числе выпущенные в лагерях для «перемещенных лиц» агитационные материалы, а также экспонаты, дающие представление о способах распространения самиздата и «тамиздата» в СССР: резиновые клише, предназначенные для тиражирования листовок, микрофильмы, с которых тексты копировались фотоспособом, инструкции по изготовлению множительной техники.

Особое внимание уделено в экспозиции радиостанции НТС «Свободная Россия». На выставке можно не только увидеть пластинку с записями передач радиостанции, фотографии, листовки и брошюры, рассказывающие о ее деятельности, но и прослушать архивные записи радиозаписей.

Выставка работала в Доме русского зарубежья (Москва, улица Нижняя Радищевская, дом 2) с 9 октября, но была приостановлена из-за карантинных мер.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Плакат издательства «Посев», нач. 1950-х. Экспозиция выставки. Фото автора

БРАТЯ МЕДВЕДЕВЫ И САМИЗДАТ¹

95 лет со дня рождения Роя и Жореса Медведевых — известных диссидентов, исследователей советского общества, авторов самиздата — исполнилось 14 ноября. Рой Медведев здравствует и ныне. Жорес Медведев ушел из этой жизни 15 ноября 2018 года.

Братья-близнецы Рой и Жорес Медведевы родились 14 ноября 1925 года. Судьба отца глубоко повлияла на них, предопределив отношение к сталинизму, характер исследовательской и публицистической деятельности братьев. Отец близнецов, Александр Романович, был преподавателем истмата и диамата в Ленинградской военно-политической академии имени Н.Г.Толмачева и в Ленинградском университете. В 1938 году он был арестован как «правый уклонист», бухаринец; в 1941 году погиб на Колыме.

Из интервью Роя Медведева: «Я воспринимал репрессии как преступление, я не верил обвинениям, которые звучали в адрес отца и его друзей. Поэтому я и начал еще в Советском Союзе проводить исследования этих трагических событий². После ареста Александра Медведева семья скиталась по разным городам, находя приют у родственников, и наконец осела в Тбилиси.

В 1943 году братьев призвали в армию (им еще не было восемнадцати). Жорес попал на фронт, был демобилизован после ранения. Рой служил в тылу, в артиллерийском арсенале. Вернувшись с войны, Жорес избрал профессию биолога, поступив в 1944 году в Сельскохозяйственную академию имени К.А.Тимирязева. Рой пошел по стопам отца и с 1946 года изучал философию в МГУ.

Сын «врага народа», Рой Медведев не имел возможности поступить в аспирантуру идеологического факультета. После окончания университета он работал в школах на Урале и в Ленинградской области, в московском издательстве «Учпедгиз», а в 1962 году стал научным сотрудником Академии педагогических наук РСФСР (в 1959 году защитил кандидатскую диссертацию по педагогике). В том же году приступил к исследованию сталинского времени. Своей известностью Рой Медведев обязан в первую очередь книге «Перед судом истории. Генезис и последствия сталинизма» (за ней последовали и другие работы о советском режиме, в том числе в соавторстве с братом), а не педагогическим темам.

Источниковая база, на которой основана книга, была вынужденно ограниченной, но, помимо доступных письменных материалов, автор использовал устные рассказы реабилитированных узников ГУЛАГа, старых большевиков, близких ему по мировоззрению. Тем не менее, «Перед судом истории» стало одним из первых серьезных исследований феномена сталинизма.

В том же 1962 году Жорес Медведев подготовил первую редакцию рукописи «Биологическая наука и культ личности», посвященной разоблачению лысенковщины. Мрачная фигура Трофима Лысенко, сталинского протеза, гонителя генетиков, не исчезла со сцены после XX съезда. Хрущев его поддерживал, и влияние лысенковцев в биологии сохранялось, несмотря на «оттепель».

Жорес Медведев был не единственным ученым, подвергнувшим критику «народного академика». Но если другие обличители говорили о Лысенко в первую очередь как о лжеученом, Медведев акцентировал внимание на его связи с репрессивной машиной: «Я решил, что более эффективно будет показать, что Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков, что дискуссия в период 1930-х годов была не столь безобидной и что советская генетика потеряла очень много ученых через систему репрессий³.

Неслучайно и символично, что братья проявили такую писательскую (и одновременно гражданскую) активность в 1962 году. Рой и Жорес Медведевы в период «оттепели» были лояльными советскими гражданами, исповедовали коммунистические взгляды (от которых не отказались и впоследствии, уже встав на путь диссидентства), почитали себя врагами сталинизма, но адептами Октября, ленинцами. После XX съезда и реабилитации пострадавших от сталинского террора братьям казалось, что они идут в ногу со временем, с партией. Рой Медведев вступил в КПСС в 1956 году.

В это время Жорес Медведев решил ознакомиться со своей рукописью редакцию «Комсомольской правды», заказавшей ему статью о генетике. Текст был отправлен на рецензирование авторитетным деятелям науки, что привело к неожиданному результату. Рассылка «Комсомолки» спровоцировала спонтанное распространение рукописи, ее прочитали тысячи людей. География распространения впечатляющая: от Риги до Хабаровска и Ташкента.

Успех Жореса Медведева у читателей можно назвать одним из первых значительных эпизодов непозитического самиздата, хотя в 1962 году это явление еще не стало привычной городской практикой и даже слова такого, по мнению Медведева, тогда не существовало. Внезапная популярность не осталась безнаказанной — исследователь подвергся травле в печати и административному давлению, был вынужден уволиться из Тимирязевки (но нашел работу в Обнинске, в Институте медицинской радиобиологии, где до 1969 года заведовал лабораторией).

После отстранения Хрущева от власти звезда Лысенко закатилась, генетика была реабилитирована, но книга Жореса Медведева так и не вышла из печати, несмотря на поддержку именитых ученых.

Рой Медведев действовал осмотрительнее, он старался не допустить широкого распространения рукописи «Перед судом истории». Давал читать ее очень немногим и без права копирования. Но вскоре отношение братьев к неподцензурному распространению их трудов изменилось. Во второй половине 1960-х брежневская ресталинизация похоронила любые надежды на официальную публикацию антисталинских текстов.

Путь переправки за границу был опасен. Это показал процесс

Синявского—Даниэля. В советском Уголовном кодексе не была предусмотрена ответственность за зарубежные публикации, и писателей обвиняли в «анти-советской пропаганде», но настоящей причиной ареста стало именно издание их прозы за пределами страны.

Развитие самиздата создало новый риск. Медведевы опасались бесконтрольного распространения своих текстов, пиратских публикаций за рубежом. Особенную опасность для авторов представляла издательская деятельность НТС (Народно-трудового союза), открыто ставившего своей целью свержение советской власти. НТСовская публикация неминуемо привела бы к серьезным неприятностям вплоть до ареста, к тому же для Медведевых была неприемлема идеология союза.

Но все же братьям казалось более разумным передать свои рукописи за рубеж в «неслучайные» руки, чем ждать, что тексты «всплывут» неизвестно где и неизвестно в каком виде.

Первым дорожку к заграничным публикациям проложил Жорес. Еще в самом начале 1960-х годов он передал зарубежным коллегам свои работы по геронтологии. В 1962-м за рубежом была напечатана статья, а в 1966-м — книга «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза» (советское издание в 1963-м покромсали цензурой).

Через шведского генетика Оке Густафсона Жорес Медведев передал на Запад рукопись «Биологическая наука и культ личности». Американский генетик российского происхождения Михаил Лернер перевел книгу на английский, в 1969 году она вышла под названием «Взлет и падение Т.Д. Лысенко». В том же году, вопреки воле автора, все же состоялась публикация (по самиздатскому экземпляру) в «Гранях», журнале НТС.

Параллельно развивалась первая «тамиздатская» история Роя Медведева. О существовании книги «Перед судом истории» на Западе узнали в 1968 году из сахаровского эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Опасаясь пиратского издания, Рой переправил микрофильм с текстом доверенным лицам на Западе.

Государственные санкции обрушились на братьев еще до того, как их книги были опубликованы, — КГБ знал о готовящихся изданиях. Распространение текстов Жореса Медведева в самиздате и «тамиздате» имело для автора неприятные последствия: в феврале 1969 года его снова уволили с работы. В том же феврале главы отделов науки, пропаганды и культуры ЦК КПСС в докладной записке Центральному

комитету определили рукопись Роя как «антисоветскую», «клеветническую» и рекомендовали «поручить соответствующим партийным органам рассмотреть вопрос о пребывании Р.А.Медведева в партии» (исключение из рядов КПСС состоялось в августе).

Преследования не остановили братьев. В 1969 году Жорес закончил рукопись «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» о помехах, чинимых советским ученым в их общении с зарубежными коллегами. В апреле 1970 года он завершил работу над исследованием «Тайна переписки охраняется законом». Ученый затронул не афишируемые методы идеологического контроля, особенно скандальной выглядела антиконституционная перлюстрация корреспонденции.

выйти «К суду истории» и «Кто сумасшедший?», весной 1972 года — книга Роя «О социалистической демократии».

13 октября у него дома состоялся обыск, утром следующего дня историк получил вызов в районную прокуратуру. Вместо прокуратуры Рой Медведев отправился к друзьям на другой конец города, несколько дней жил на разных квартирах, после чего уехал на юг России, откуда вернулся в Москву в конце января, когда основные его книги уже вышли в свет. «Рецензий и отзывов оказалось много, но без газетной шумихи, и как прокуратура, так и КГБ, казалось бы, утратили ко мне интерес», — вспоминал он. Впоследствии Рой Медведев опубликовал на Западе десятки книг, но так и не был арестован.

Жорес в 1973 году отправился в командировку в Лондон, и спустя

в мае Жорес Медведев был насильственно помещен в Калужскую психиатрическую больницу. Одним из наиболее скверных аспектов психиатрических репрессий в СССР была неопределенность: пациент «психушки», в отличие от отбывающего срок по приговору, никогда не знал, сколько времени его продержат в заточении. Медведев был освобожден уже через три недели — настолько энергичной и дружной была кампания в его защиту, в которой приняли участие ведущие ученые, писатели, правозащитники.

Жизненный материал превращался в книги. «Международное сотрудничество» и «Тайна переписки» основаны на личных впечатлениях, а сразу после эпизода с психбольницей братья взялись писать «Кто сумасшедший?», рукопись была закончена уже в сентябре.

Теперь Медведевы прямо ориентировались на самиздат: «К этому времени мы более или менее знали стиль, который способствует распространению, т.е. нужно написать, чтобы это было интересно: либо какой-нибудь детективный сюжет, либо приключенческий <...> Поэтому эта книга... стала распространяться очень широко⁴. Тогда же, в 1970-м, Рой Медведев перестал выпускать свой «Политический дневник» — посвященный общественной жизни и истории СССР ежемесячный бюллетень, который он делал с 1964 года, ориентируясь на очень узкий круг читателей не превышало сорока человек, в их числе были Твардовский и Сахаров). Теперь братья адресовались к широкой аудитории, став постоянными и заметными авторами сам- и «тамиздата».

В 1971 году «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» опубликовали обзоры «Политического дневника». В конце года должны были

некоторое время его лишили советского гражданства.

Перестройка оказалась самым успешным временем для братьев, особенно для Роя. Его книги печатались огромными тиражами, он стал популярной медийной фигурой, комментировал актуальные события. Новая «оттепель» в СССР открыла Рюю Медведеву дорогу к легальной политической деятельности. Его взлет как политика был стремительным, хотя и кратковременным. В 1989 году он был избран народным депутатом и членом Верховного Совета, в 1990 году — членом ЦК КПСС.

Тогда же, в разгар перестройки, Рой и Жорес смогли наконец встретиться. В 1990-м Жоресу Медведеву было возвращено советское гражданство. Он смог свободно приезжать в СССР, и, хотя до конца жизни не оставил Лондон, вынужденная разлука, которая длилась 16 лет, закончилась.

Дмитрий ЕРМОЛЬЦЕВ

1. По материалам статьи Б.Мартин, Г.Кузовкина «Рой и Жорес Медведевы и рождение Самиздата». Барбара Мартин — швейцарский историк из Базельского университета, научный партнер мемориальной научной программы «История инакомыслия в СССР. 1954-1987 гг.». В 2019-м вышла монография Б.Мартин «Dissident histories in the Soviet Union: from de-Stalinization to Perestroika» (2019), сейчас Барбара готовит англоязычную биографию братьев Медведевых и ведет исследование о религиозном возрождении в позднесоветское время. Для работы Барбары о Медведевых и для изучения самиздата, которое ведет программа «Мемориал», будут ценны отклики читателей, встретившихся с произведениями Жореса и Роя Медведевых в сам- и тамиздатских версиях. Письма и снимки сохраненных самиздатских экземпляров можно прислать по адресу: memo.projects@gmail.com.

2. См. «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/362280>

3. Из беседы с проф. Д.Байрау (4.12.1984). Отыгл. в сокращении: Жорес Медведев: «Лысенко выдвинулся на репрессиях против генетиков» // Троицкий вариант. 2018. 4.12. № 24 (268). То же // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 2. С.76-95.

4. Из беседы с проф. Д.Байрау (4.12.1984).

На снимках: Рой и Жорес Медведевы, 1970-е годы и 1995 год. Фото Маргариты Медведевой и из архива НИПЦ «Мемориал»

СПЕЦДОКЛАДЧИКИ ООН И ЦИНИЗМ ЧИНОВНИКОВ

➤ Окончание. Начало на с. 1

в котором обращалось внимание на проблему жертв советских репрессий, которые до сих пор не могут получить компенсацию за незаконно отнятое жилье.

В своем письме спецдокладчик ООН по вопросу о праве на достаточный жизненный уровень Балакришнан Раджагопал и спецдокладчик ООН по вопросу о содействии правосудию и возмещению ущерба Фабиан Сальвиоли выразили крайнюю озабоченность «сохраняющимися последствиями политических репрессий советской эпохи». Они напомнили властям России, что большинство реабилитированных, на которых распространяется действие закона (это примерно 1500 человек по всей России), — пожилые люди старше 70 лет, «их жилищные условия варьируются от умеренных до ветхих, без канализации, горячей воды и отопления», и утверждали, что медлить в подобной ситуации недопустимо. «Мы приветствуем постановление Конституционного суда от 10 декабря 2019 года, — говорится в письме. — Однако мы по-прежнему обеспокоены тем, что до тех пор, пока не будут приняты оперативные меры по обеспечению необходимой координации между федеральным и региональным уровнями власти, а также между регионами в отношении выделения социального жилья жертвам политических репрессий в установленные сроки и по определенным приоритетным критериям, а также при выделении и выплате необходимых средств в соответствии с международными нормами в области прав человека, право жертв на жилище не может быть полностью гарантировано. Учитывая возраст некоторых жертв, эти меры являются неотложными. Мы хотели бы напомнить, что государства несут обязательство предоставлять тем, чьи права были нарушены, адекватные, эффективные и оперативные средства правовой защиты. Оперативное возмещение ущерба означает в этом контексте, что государство обязано обеспечить жертвам доступное жилье по их прежнему месту жительства в разумные сроки и что жертвы по-прежнему смогут воспользоваться этой компенсацией в течение своей жизни. Необходимость ждать возвращения или получения доступа к социальному жилью продолжительностью более двух лет не может рассматриваться как оперативное возмещение и поэтому несовместима с международными стандартами в области прав человека». Если столь оперативное предоставление жилья невозможно, то государство должно выплатить денежную компенсацию, которая позволит «вернуться на свое прежнее место жительства и арендовать приемлемое жилье».

«Мы хотели бы подчеркнуть, что право на надлежащее жилище неразрывно связано с присутствием человеческой личности достоинством и правом на жизнь, — говорится далее в документе. — Мы напоминаем, что Комитет по экономическим, социальным и культурным правам¹ указал, что государство должно выделять достаточные ресурсы на осуществление права на надлежащее жилище и уделять приоритетное внимание потребностям обездоленных и маргинализированных лиц или групп. Комитет далее разъяснил, что обязательство поступательно реализовывать право на жилище почти всегда требует принятия национальной жилищной стратегии.

Стратегии должны разрабатываться в процессе консультаций с затрагиваемыми группами, включать четко определенные цели, определять ресурсы, подлежащие распределению, и уточнять обязанности и сроки их осуществления. Кроме того, следует принять меры для обеспечения координации между министерствами и региональными и местными органами власти в целях согласования соответствующей политики с обязательствами по статье 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Государства должны также обеспечить, чтобы местные или региональные жилищные стратегии должным образом финансировались и чтобы местные органы власти обладали всеми возможностями для их осуществления», — подчеркивали спецдокладчики ООН.

Авторы письма просили российские власти предоставить подробную информацию о жилищной ситуации жертв политических репрессий советского периода, указать, какие неотложные меры принимаются для обеспечения доступа к надлежащему жилью жертв политических репрессий, которые в настоящее время являются бездомными или прожива-

Ян Рачинский: «Особо возмутительны попытки представить репрессированных как «еще одну» категорию нуждающихся в улучшении жилищных условий. Эти люди ждут справедливости почти 70 лет».

ют в ненадлежащем жилье, какие меры принимаются для обеспечения участия потерпевших в разработке и осуществлении затрагивающих их жилищных мер, какие критерии используются для опре-

деления приоритетности в распределении социального жилья, как обеспечивается право жертв политических репрессий и их детей на адекватный, эффективный и оперативный доступ к социальному или иному жилью в порядке возмещения понесенного ущерба. Предлагалось также описать существующие механизмы содействия распределению и расходованию средств, предназначенных для осуществления программ социального жилья на региональном уровне, обеспечения координации между федеральными и региональными властями и между регионами в отношении мер, принятых для обеспечения доступа жертв к надлежащему жилью в их родных городах.

Письмо было направлено в представительство России при ООН в Женеве еще 10 сентября. ООН дает государствам 60 дней на ответ, поэтому документ был опубликован лишь 10 ноября.

«...КОМПЕНСАЦИЯ ТОГО ВРЕДА, КОТОРЫЙ БЫЛ НАНЕСЕН БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ПОКОЛЕНИЯ»

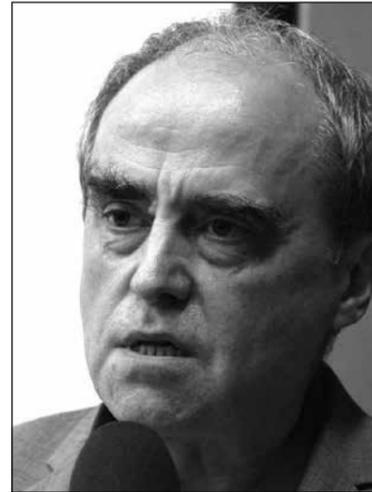
К сожалению, власти РФ, по видимому, не обратили внимание на просьбу спецдокладчиков ООН. 11 ноября комитет Госдумы по труду, соцполитике и делам ветеранов одобрил законопроект, который ставит «детей ГУЛАГа» в многолетнюю очередь на получение жилья, предполагая, что они должны будут встать в общую очередь и ждать квартир еще 15-20 лет. Альтернативный проект депутатов от партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова и Галины Хованской, предполагавший выплату жертвам репрессий единовременной компенсации на покупку жилья в течение года после принятия закона, комитет рекомендовал отклонить.

Юрист Григорий Вайпан, который представлял интересы репрессированных в Конституционном суде в 2019 году, рассказал в интервью «30 октября», что именно он обратился к спецдокладчикам ООН и рассказал о неисполнении решения Конституционного суда. «Я написал, что складывающаяся для «детей ГУЛАГа» ситуация является нарушением международных обязательств России, поскольку по

бывание в лагере 10 тысячами рублей, за движимое имущество — 4 тысячами рублей, а за утраченную недвижимость — 10 тысячами.

Депутат Государственной думы от партии «Справедливая Россия» Галина Хованская, говоря об обсуждении законопроектов на заседании комитета Госдумы по труду, соцполитике и делам ветеранов, заметила, что противники альтернативного законопроекта упирали на то, что в России есть много категорий нуждающихся в улучшении жилищных условий и не надо, мол, вводить новую. «Но здесь речь идет не об улучшении жилищных условий, а о возмещении вреда, который был нанесен... Делать это надо немедленно», — заявила депутат.

Она оспорила названное Вайпаном число «детей ГУЛАГа», подпадающих под этот закон, заметив, что, по ее данным, речь идет о 442

людях, и подчеркнула, что «Справедливая Россия» в случае, если ее законопроект будет отвергнут, «не собирается опускать руки» и будет бороться за «компенсацию того вреда, который был нанесен большей части поколения». В частности, речь пойдет о внесении поправок в законопроект во втором чтении и об обращении к президенту с просьбой отправить проект на проверку в КС, что позволяет делать принятые в 2020 году поправки в Конституцию.

Директор Института права и публичной политики Ольга Сидорович заявила, что обращение в Конституционный суд, помимо защиты прав «детей ГУЛАГа», должно привлечь внимание к систематическому нарушению статьи 13 Закона о реабилитации, где говорится о возмещении ущерба, и нарушениям в законах города Москвы. «Постановление КС позволяет сделать то, что должно было сделать ответственное государство, — возместить ущерб если не самим репрессированным, то их наследникам», — подчеркнула Ольга Сидорович, отметив, что постановление КС ясно указало, как должна быть закрыта прореха, имеющаяся в законодательстве.

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала», отметил, что хотя решение КС должно было стать основой для проекта закона, правительственный законопроект отвергает это постановление. Он отметил, что предполагаемое сохранение за регионами полномочий наделять жильем жертв репрессий принципиально неверно. «Это изначально координировалось из центра и регионы здесь были ни при чем», — отметил председатель, рассказав, как во время «Большого террора» была выработана централизованная система конфискации жилья у семей «врагов народа» и ссылки членов этих семей.

Ян Рачинский также назвал «особо возмутительными» попытки представить репрессированных как «еще одну» категорию нуждающихся в улучшении жилищных условий, заметив, что речь идет о людях, ждущих справедливости почти 70 лет. «Решение КС — это большой шаг, но российским властям пока говорить «спасибо» особо не за что», — заключил он.

Евгения Шашева, родившаяся в Республике Коми в семье спецпоселенца в 1950 году и до сих пор живущая там, хотя ее родители до репрессий жили в Москве, — одна из трех «детей ГУЛАГа», обратившихся в Конституционный суд, рассказала о своих попытках добиться статуса репрессированной и обеспечить исполнение положений Закона о реабилитации. «Впервые я подала на реабилитацию в 2003 году, но получила отказ: «Не положено», мол. Только в 2011 году я узнала, что, оказывается, положено, и только в конце 2013-го меня признали подвергшейся политическим репрессиям. В 2014 году я обратилась в департамент жилищной политики города Москвы с целью реализовать свое право на возвращение, но оказалось, что об этой категории граждан там элементарно забыли», — рассказала она.

Участники конференции отметили циничную позицию госчиновников, лоббирующих правительственный законопроект. Григорий Вайпан, говоря о ситуации с законопроектами в Госдуме, подчеркнул, что правительственный проект собрал рекордное число отрицательных отзывов — от Общественной палаты, Совета по правам человека при президенте, комиссии по реабилитации, уполномоченного по правам человека, ряда региональных уполномоченных, многих общественных организаций. «Однако официальный докладчик в комитете Госдумы сделал вид, что этих отзывов нет», — отметил юрист. По его словам, чиновники фактически надеются, что все репрессированные умрут и проблема сама собой «сойдет на нет».

26 ноября Государственная дума рассмотрела в первом чтении два конкурирующих законопроекта. Правительственный законопроект (№ 988493-7) был принят в первом чтении 280 голосами при 20 голосах «против». За альтернативный законопроект (№ 1024052-7), внесенный депутатами Сергеем Мироновым и Галиной Хованской, проголосовали 99 депутатов, двое воздержались, «против» никто не голосовал. Поскольку правительственный законопроект набрал большее число голосов, то он переходит в стадию второго чтения. Альтернативный законопроект отклонен.

Заместитель министра строительства и ЖКХ РФ Никита Сташин, выступая на пленарном заседании Государственной думы перед голосованием, сообщил, что на возвращение и получение жилья претендуют всего 1628 жертв репрессий, при этом в 15 российских регионах людей такой категории вообще не осталось.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Исполнительный орган ООН, осуществляющий надзор за выполнением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

На снимках: Григорий Вайпан, Ян Рачинский, Ольга Сидорович. Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

ДОРОГА К ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИСХОДЕ ИНГУШЕЙ ИЗ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

28 октября 1992 года представитель президента России в Ингушской Республике Исса Костоев направил президенту письмо, в котором говорилось о том, что в регионе зреет крупномасштабный межнациональный вооруженный конфликт, и просил принять меры по его предотвращению. «Однако федеральные структуры власти на симптомы разгорающегося конфликта не среагировали и превентивных мер не приняли», — говорится в справке Генеральной прокуратуры РФ от 14 июня 1993 года, подготовленной старшим следователем по особо важным делам, старшим советником юстиции Валерием Костаревым. Далее в документе сказано, что «у следствия имеются материалы, свидетельствующие о том, что в ночь на 31 октября обстрелу были подвержены ингушские кварталы сел Камбилеевка и Октябрьское Пригородного района».

Рассказывает Исса Костоев: «Я с этим письмом 28 октября 1992 года пришел в Кремль. В этот день была встреча Ельцина с представителями президента в регионах России. Встреча должна была состояться в Овальном зале Кремля. Пришел я одним из первых и на столе, где обычно сидит Ельцин, оставил это письмо с сопровождающей запиской: «Я Костоев, ваш представитель в Ингушетии. Прошу по окончании совещания уделить мне хотя бы пять-десять минут времени. Ситуация в зоне Северной Осетии и Ингушетии критическая». Положил на стол записку с письмом и сел в первом ряду. Я видел, что он прочитал мою записку. Я вижу, что Ельцин поглядывает на часы, видно, куда-то торопится. Потом он сказал, что совещание заканчивается, так как его ждет делегация из Белоруссии. Тогда я подхожу к нему, представляюсь, говорю, что ситуация в регионе крайне опасная, что вот-вот там начнется война. И нужно вмешательство президента. На что он поручает своему помощнику разобраться, что там за проблема. И уходит.

Помощник направляет меня к секретарю Совета безопасности Юрию Скокову, тот считает, что этим вопросом должен заниматься вице-премьер Георгий Хижа. Мне назначают время на 29 октября в 11 часов дня. На следующий день с трудом к концу дня попадаю к Хиже, говорю о сложившейся взрывоопасной ситуации в регионе. На что Хижа заявляет, что я преувеличиваю опасность и что он владеет другой информацией, и предлагает прийти на следующий день, обсудить ситуацию. 30 октября в приемной мне сказали, что Георгий Хижа заболел.

В три часа ночи уже 31 октября мне позвонили из Ингушетии и сказали, что в Осетии, в поселке Октябрьском, на БТР из всевозможных видов оружия обстреливают дома, где проживают ингуши. В пять утра дозвонился до министра МВД РФ Виктора Ерина, и тот сообщил, что командующий внутренними войсками генерал-полковник Василий Савин летит в Осетию на своем самолете, он возьмет меня с собой. Утром прилетели в Беслан, военные нас перекинули на вертолете до поселка Спутник, откуда меня на вертолете доставили в Ингушетию. Когда я летел через Чермен, видел целые кварталы горящих домов. В Назрани, на площади перед зданием райсовета, толпа растерянных, ничего не понимающих людей».

Магомед-Амир Бекбузаров, житель Камбилеевки, вспоминает, что «с 31 октября огонь по селу велся непрерывно. Стреляли из разного вида орудий, в том числе были выстрелы из ракетных систем залпового огня «Град», «Алазань». На третий день село окружили бронетранспортеры, прибывшие из Южной Осетии, на которых было написано большими буквами «ИР». Мы решили до последнего защищать свои дома, свое село, так долго, насколько у нас хватит сил и боеприпасов. И того, и другого у нас было катастрофически мало».

В Камбилеевке на тот момент проживало 19 семей Бекбузаровых. Главной, как наиболее опытного и грамотного, старейшины выбрали Магомед. «3 ноября мне сообщили, что командир южноосетинской гвардии зовет на переговоры старшего по обороне села, — рассказывает Магомед. — Нас было четверо, которые пошли на переговоры. Командир представился Майрамом, предложил прекратить вести огонь. Пока шел разговор, я насчитал 17 машин бронетранспортеров, которые окружили наше село. Мы согласились прекратить огонь, стали обговаривать условия, когда из соседних домов, откуда велся самый шквальный огонь, местные кударцы стали кричать, чтобы с нами Майрам не вел никаких переговоров и чтобы мы убирались вон из села. Тот поворачивается ко мне и говорит: «Извини, Магомед, ничего не могу сделать. Даю вам час на то, чтобы сложить оружие, а не то срываем дома с землей». И часа не прошло, как начался повторный обстрел. Снова прибежал гонец и сказал, что меня опять приглашают на переговоры, из которых я понял, что приказ зачистить село от ингушей поступил от руководства Северной Осетии. Выхода у нас не оставалось. Майрам поклялся на кресте, что вслед нам не будет произведено ни одного выстрела. Мы вынуждены были покинуть село. Майрам сдержал свое слово, по нам не стреляли».

По данным контрразведки, только в течение года (до 4 ноября 1992 года) на территории Северо-Осетинской ССР было похищено 12 артиллерийских самоходных установок, 1 БРДМ, 185-миллиметровая пушка, 2 пушки БМП, 307 автоматов, 788 пистолетов, 15 пулеметов, 93 карабина СКС, большое количество боеприпасов.

В Ингушетии и Северной Осетии на руках у гражданского населения скопилось громадное количество онестрельного оружия, гранат, мин и т.д. Это признают власти обеих Республик, сотрудники правоохранительных органов и практически все собеседники ПЦ «Мемориал» в регионе. (Доклад ПЦ «Мемориал» «Проблемы вынужденных переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта», 1994 г.)

По представленным осетинской стороной данным, на начало вооруженного конфликта численность республиканской гвардии СО ССР составляла 440 человек, на ее вооружении имелось автоматов АК-74 — 243, пулеметов разных марок — 14, БТР-80 — 44, БМП-2 — 4. Численность народного ополчения составляла 7243 человека, на его вооружении имелось 583 автомата, 9 единиц БТР-80, охотничье и другое оружие.

МВД СО ССР в октябре 1992 года располагало 1085 автоматами, 304 автоматическими пистолетами Стечкина, 113 ручными противотанковыми гранатами РПГ-7, 14 станковыми гранатометами СПГ-9, 11 зенитными установками ЗУ-23, 68 крупнокалиберными пулеметами, 4 бронетранспортерами, 1016 гранатами различного типа.

В то же время ингушская сторона, по имеющимся в распоряжении следствия материалам, на начало конфликта располагала 176 автоматами, 7 пулеметами, 5 гранатометами, около 90 противотанковыми гранатами, до 500 «лимонками», не считая оружия и техники, захваченной во время конфликта.

Кроме того, 20 октября 1992 года в поселке Карабулак со склада вооружения и боеприпасов УВД Ингушетии было похищено 13 автоматов, 12 пистолетов, несколько карабинов и значительное количество боеприпасов к ним (из справки Ге-

неральной прокуратуры РФ от 14 июня 1993 года).

...4 ноября 1992 года было холодно и зябко. Колонна из стариков, женщин, детей двигалась по дороге в сторону Ингушетии. Шли молча, оглябая лужи, стараясь не смотреть на горящие дома, на свежие воронки от снарядов. Война так неожиданно ворвалась в их жизнь, и они еще не привыкли к ее ужасным реалиям. Не капризничали даже самые маленькие дети, как бы понимая, что сейчас не время требовать внимания и ласки. Только к вечеру камбилеевцы дошли до того места, где стоял Псковский парашютно-десантный полк.

Разговаривать с пьяным вдрызг командиром Равилем было бесполезно. Он твердил одно: «Ждите начальство». За попыткой добиться от него внятного объяснения, почему нам не разрешают идти дальше, молча наблюдали представительницы Красного Креста. Они, кстати, не торопились оказать помощь больной старой женщине, у которой поднялось давление.

Эту ночь уставшие и голодные жители Камбилеевки провели в расположении Псковского полка. Было холодно, солдаты разрешили зайти в помещение женщинам с детьми и старикам. Женщины пытались накормить детей лепешками с сыром, которые удалось привезти из дома. Но, видно, стрельба, которая была слышна со всех сторон, заставила забыть о еде. А в это время к расположению Псковского полка, как к единственному месту, где можно получить защиту от южноосетинских боевиков, стали подходить жители других сел, в которых также выполняли приказ «зачистить от ингушей».

«Утром 5 ноября следующего дня подъехал генерал Н.А.Шелудько,

— вспоминает Магомед Бекбузаров. — Я спросил, когда нам разрешат идти в Ингушетию, он сказал: «Ваши ингуши захватили пятерых солдат, один БРДМ и пять автоматов. Они в Назрани. Мое условие — если вы нам их вернете, я гарантирую вам выход отсюда». Он выделил нам БТР, я взял еще Мааса Яндиева и Курейша Бузуртанова. Мы поехали в Назрань, где уже шел митинг, было много людей. Там мы сказали об условиях генерала. В итоге оно было выполнено. Мы вернулись на Черменский пост. Помню, что на протяжении всего пути от Черменского поста в сторону Ингушетии направлялся большой поток людей. Это были ингуши, которые вынуждены были покинуть свои дома, чтобы не быть убитыми и не оказаться в заложниках».

Для жителей сел Тарское, Терк, Чернореченское, Южный, Чми, Редант, Балта Пригородного района, а также города Владикавказа единственной дорогой, чтобы спастись и попасть в Ингушетию, были горные тропы через Джейрах и Ассинское ущелье.

Люба Хадзиева с мужем и тремя детьми жила в селе Дачное. Она вспоминает: «29 октября вечером детей уложила спать, а сама пошла в коровник, прибраться и сено на ночь подбросить. А тут муж заходит, говорит, что позвонили из

По данным прокуратуры России, за время боевых столкновений в результате конфликта погибло 608 человек (490 ингушей и 118 осетин). Среди погибших — 41 женщина (33 ингушки, 5 осетинки), 12 детей до 15 лет (все с ингушской стороны), 49 человек старше 60 лет (42 ингуша, 7 осетин). 939 человек были ранены (457 ингушей и 379 осетин), еще 261 человек пропал без вести (208 ингушей и 37 осетин). Были уничтожены 13 из 15 сел Пригородного района, в которых компактно проживали ингуши. Было утрачено до 90% культурно-исторических ценностей ингушского народа.

Из доклада Председателя Верховного Совета СССР А.Х.Галазова, опубликованного в газете «Северная Осетия» 11 ноября 1992 года: «Лидерам» Ингушетии в стремлении реализовать свои коварные политические амбиции удалось одурманить свой народ, разжечь пожар националистической истерии, создать в осетине образ своего главного врага. С конца 1980-х годов в пограничных с Осетией населенных пунктах Чечено-Ингушетии нарастает волна истерии и экстремизма против осетинского народа...

Тарского, сказали, что сестра твоя умерла. Она последнее время болела, и поэтому ее смерть не была неожиданностью. А муж вдруг говорит: «Может, ты не поедешь?» Я ему даже не ответила: как же я могу не поехать на похороны своей сестры?! А он говорит, что лучше бы я осталась дома. И поясняет, что на заправке поругался с южанином, кударцем, что тот не доливал бензин (кударцами в Осетии называют уроженцев Южной Осетии). А тот говорит, что он на мне экономит, потому что на днях ему бензин понадобится, чтобы наши дома поджигать. Я только рукой махнула — все это пустые разговоры. А утром собрала детей, вызвала такси и уехала в Тарское, на похороны».

Вот уже 28 лет она с младшей дочкой живет в бараче, ее статус — вынужденная переселенка. Сыновья поженились, у них свои семьи, обустроили себе жилье в бывших бетонных гаражах, родили детей, а она так и живет в бараче на окраине села Яндаре с дочкой. Люба давно болеет, и врачи «Скорой помощи» у нее частые гости. «Только они к нам и приезжают, и больше никто не знает, что в этом разваливающемся бараче пытаются выжить 20 человек, бывших жителей сел Пригородного района. Ноги совсем отказываются мне служить, — пытается шутить женщина. — Застудила я их, когда выбиралась в Ингушетию через Ассинское ущелье».

«Ночью с 30 на 31 октября слышу какие-то крики, выстрелы, распахивается дверь и влетает племянница: «Собирайся быстро, где дети? Нас убивают, нужно уходить!» — кричит. Я схватила детей, а они спростонья, ничего не понимают, маленький Багаудин, ему полгода, расплакался. Кое-как одела их, схватила детское одеяло, свою куртку не могу найти, надела вельветовый халат сестры. Вышли на улицу — темно, дождь идет. Не сильный, слегка моросит, но очень холодно. Какой-то мужчина с фонариком сказал, что дорогу к трассе уже перекрыли боевики, придется идти через Ассинское ущелье. «Не шумите и не отставайте. Следите за детьми», — и мы пошли за мужчиной».

Она не может сказать, сколько же их было человек. Много, очень много. Впереди — толпа, посмотришь назад — конца не видно. Мужчин

мало, в основном старики, женщины, дети. Детей очень много. Старшие помогали младших нести. Мало кто какие-то вещи взял. Ведь собирались второпях, вспоминает она.

Их путь пролегал по горным тропам. Люба думала: «Ну почему эта война началась именно в это время, когда постоянно идут дожди, всюду грязь и слякоть? Насколько было бы проще, если бы это случилось летом или весной, в любое время года, лишь бы не так холодно и чтобы было сухо». Мысли перескакивали, а она автоматически успевала гладить по головам старших детей, которые шли, уцепившись за ее халат. Младший то засыпал на ее руках, то просыпался, и она давала ему соску, чтобы вдруг не заплакал.

Они шли двое суток, а ей казалось — неделя, месяц. На каком-то отрезке пути увидели полуразвалившуюся кошару — свет едва трепетал в окошке.

«Я зашла, чтобы перепеленать сына и дать немного отдохнуть детям. Хозяйка дала каждому хлеб с сыром, напоила их. И тут взглянула на мои ноги и ахнула: «Ты почему босиком?» А я, когда уходила из дома сестры, ноги в домашних тапках сунула в галоши. Думала, в грязь обука самый раз. Галоши, видно, где-то потеряла, когда взбирались на крутой склон горы. А тапки... тапки войлочные, размякли и порвались об острые камни. Я даже не чувствовала, что я иду босая. Просто было очень холодно ногам», — рассказывает Люба.

Женщина вытащила из ящика шерстяные носки, дала Любе — «надевай!» В галоши напихала побольше бумаги, чтобы крепко сидели на ногах и не соскакивали.

Она предупредила, что впереди — самый трудный и опасный участок пути. «Предложила, чтобы я привязала к спине младшего Багаудина, так будет легче. Я отказалась, надеясь на свое здоровье и силу, — думала, не будет трудно, справлюсь. Переоценила себя. Идти было очень трудно. Мы шли медленно, буквально по сантиметрам преодолевая расстояние в несколько десятков метров. Это была дорога к жизни, к жизни, в первую очередь, моих детей. Два раза онемевшая рука, которой я прижимала к себе сына, ослабевала, и я сумасшедшим усилием воли заставляла мышцы не рассла-

блаться. Ведь другой рукой я держалась, чтобы не упасть в пропасть, за железный крюк, вбитый в скалу много лет назад, когда по этой тропе шли туристы-экстремалы. Два раза я едва не уронила в пропасть своего младшего сына».

На выходе из ущелья людей ждали. На костре варились мясо, и всем, кто выходил из ущелья, давали бульон, хлеб, чай. Детей растирали спиртом, переодевали всех в сухую одежду и на автобусах вывозили в Назрань, в Сунжу. Какое-то время семья Любы снимала жилье в Назрани. Но денег, чтобы платить за съём, не хватало, и они переселились в барак. Думали временно, потому что им всем говорили, что вынужденные переселенцы будут обеспечены жильем. Говорили все президенты, начиная от Руслана Аушева и заканчивая Евкуровым. «Все три президента были генералами, и никто их них своего слова не сдержал. Вот так мы здесь и живем. А точнее — выживаем», — говорит Люба Хадзиева.

месяце, и она много мне помогала в уходе за моим сыном. Я надеялась, что кто-то из родственников догадается, где меня искать, и увезут меня туда, где все наши.

Но вместо моих родных приехал муж Карины. По выражению его лица я сразу поняла, что мое присутствие в этом доме для него нежелательно. Они долго разговаривали на втором этаже. Когда Карина спустилась вниз и зашла на кухню, я увидела, что она плакала. Но она мне ничего не сказала. Потом у них еще раз был разговор, уже на повышенных тонах.

Вечером, когда я купала мальчика, Карина стала мне помогать, потому сама уложила ребенка спать. Говорит, что ее муж требует, чтобы я с ребенком покинула этот дом. Еще она сказала, что, по словам мужа, кударцы убивают тех, кто прячет в своих домах ингушей.

...Я понятия не имела, куда мне идти. Смотря местное телевидение, я поняла, что за неделю-другую этот конфликт не закончится и невоз-

пробыл месяц в заложниках, стал инвалидом».

Анжела Матиева преодолевала горные тропы Ассинского ущелья 7 ноября. Вот ее рассказ:

«Природа ко всем испытаниям прибавила еще и свое: в тот день не переставая шел дождь со снегом. Потом ударил мороз, и наша одежда была покрыта ледяным панцирем. Идем по горной тропе. Боимся упасть, потому что можно ступить только одной ногой, дальше пропасть, а внизу течет Асса. Дети не плачут, старики держатся, все понимают, что надо держаться вместе. На половине пути нас уже встречают молодые люди, подростки из сел Сунженского района. Они были угрюмы, и даже те, кому было 16-18 лет, казались очень взрослыми. Они ничего не спрашивали, а шли на помощь так, как будто это был единственный шаг, способный решить их судьбу.

По дороге горели костры, над которыми висели железные чайни-

битий, ни по дороге, сколько шли. А здесь не могла остановиться. Меня успокаивали и говорили: «Не надо сейчас плакать, сейчас все хорошо, ты среди своих, все будет хорошо». Не могла ничего ответить, не поняли бы они, о чем это я, что за глупости говорю. А я хотела каждого из них обнять как брата, как отца и сказать им всем спасибо».

По словам Харона Хамхоева, имама селения Алкун, о том, что в Северной Осетии разгорелся вооруженный конфликт, жители Ингушетии узнали в ту же ночь, как начался обстрел Камбилеевки и Октябрьского.

«Поскольку наше село является крайней точкой перед горным массивом, и горные тропы через Ассинское ущелье — это единственная дорога из Северной Осетии в Ингушетию, которой могут воспользоваться люди, в нашем селе сразу стали готовиться к тому, чтобы создать хотя бы минимальные условия безопасности, — вспоминает имам. — Тут

ее младенец упал в пропасть. Это Марьям Илиева, которая сейчас с семьей живет в станице Троицкой.

У Марьям, жительницы села Камбилеевка Пригородного района, за неделю до начала конфликта родилась двойня — мальчики. Свой дом они покинули, как только начался обстрел со стороны Камбилеевского химического завода.

«Выходили из Тарского, не знали, куда идти, где можно спрятаться. Кто-то подсказал, что у Карца стоит полк, там русские военные. «Попросите, они вас спрячут». В полку были не солдаты-срочники, а военные постарше, наверное, контрактники. Мы у них несколько дней пробыли», — рассказывает Марьям. Пока эта группа находилась под охраной воинского подразделения, к ним несколько раз приезжали вооруженные люди, которые называли себя народным ополчением и требовали у военных передать им граждан ингушской национальности.

Так было раза четыре. А в последний раз, видно, старший у них пригрозил, что заберет нас силой, на что офицер сказал, что заберет, но только после того, когда никого из моих подчиненных не останется в живых. Спустя несколько дней нашего пребывания под охраной полка военные сказали, что полк ожидает перемещения и нам придется самим выбираться. Тогда, чтобы попасть в Ингушетию, была одна дорога — через Ассинское ущелье. Военные всех нас посадили в машину и довели до самого предгорья, туда, где начиналась дорога в Ингушетию. Дальше машина ехать не могла.

Эта горную тропу в Ассинском ущелье одни называют тропой жизни, а для некоторых она стала тропой смерти.

Марьям не помнит точно, какой был день недели, тогда она даже не помнила, какого числа родила двойню. События как картинка в испорченном калейдоскопе сменялись в ее голове, и все изображения только как в черно-белом кино — больше никаких красок, никаких оттенков.

«Тропинка была в некоторых местах такая узкая, что можно было поставить только одну ногу, другая нависала над пропастью. Шли медленно, так медленно, что казалось, стоишь на месте. И еще было очень скользко», — рассказывает Марьям и замолкает. Даже спустя 28 лет ей невыносимо трудно вспомнить, как, поскользнувшись, чтобы не свалиться в пропасть, она чисто автоматически схватилась одной рукой за торчавший из скалы железный крюк... Марьям совершенно не помнит, как шла дальше.

Сейчас Марьям Илиева снимает небольшой домик, у нее четверо детей. Она достойно преодолевает все трудности, которые возникали на ее пути. Этим качеством — стойкости и порядочности — она научила и своих детей, которые считают, что все у них в жизни получится, когда рядом такая мама, как Марьям.

Всех, кто более-менее благополучно прошел этот сложный маршрут, тут же на поляне переодевали в сухую одежду, кормили и на автобусах, на частных машинах развозили по знакомым и родственникам. А в селе Алкун до весны жили пятнадцать семей. За эти годы некоторые покинули страну, кто-то построил дом или купил квартиру. Однако не у всех есть средства для приобретения жилья, утеряны по разным причинам свидетельства вынужденного переселенца, и вот уже 28 лет несколько семей живут в невыносимых условиях в бараках, которые были построены для них, вынужденных переселенцев, как временное, на три-четыре сезона, жилье.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Кадр телехроники, на который попала одна из героинь статьи — Марьям Илиева, после перехода через ущелье.

Гражданское население — ингуши, осетины, русские и другие — было вынуждено покинуть места проживания в основном в Пригородном районе и городе Владикавказе. В целом в Северной Осетии было разрушено 2728 ингушских и 848 осетинских домов, а также большое количество объектов соцкультбыта. Из своих домов в Пригородном районе бежали 9045 осетин; к концу июля 1994 года. 6463 из них вернулись в места своего проживания. Осетин — вынужденных переселенцев из Ингушетии зарегистрировано лишь несколько десятков (там проживало чрезвычайно мало осетинских семей). Ингушское население Владикавказа и Пригородного района почти целиком (исключая часть жителей трех населенных пунктов — Карца, Майское и Эзми) бежало в Ингушетию. (Доклад ПЦ «Мемориал» «Проблемы вынужденных переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта», 1994 г.)

Лида Цурова жила во Владикавказе. Сейчас уже 28 лет живет в бараке в городе Назрани на Фабричной улице. 30 октября 1992 года она родила сына.

«Нас тогда в родильном отделении лежало несколько ингушек, — вспоминает Лида. — И ко всем подходил главврач, спрашивал, где кто живет, когда приедет муж или кто-то из родни забирать. Я сначала не могла понять, зачем нас, ингушек, обо всем так расспрашивают. На второй день утром медсестра из детского отделения, которая детей на кормление привозит, дает мне сына и тихонько говорит, что война началась между южанами (так зовут кударцев, выходящих из Южной Осетии) и ингушами.

— Если война, то что же нам делать? Ингушам?

— Не знаю, — отвечает девушка. — Пока не выгоняют, лежите. Может, все закончится быстро и обойдется.

Какой быстро! Окна в палату закрыты, но слышны были хорошо перестрелки автоматов, взрывы. Через два дня приходит главврач в палату, а нас, ингушек, в палате двое.

— Я уже дважды убеждал представителей так называемой самообороны, что среди больных и рожениц нет лиц ингушской национальности. Все медицинские документы ингушских больных и рожениц находятся в надежном месте. Но они собираются проводить визуальные проверки, то есть будут ходить по палатам, допрашивать.

Он сказал, что выдаст нам больничные теплые халаты, обувь. Даст пеленки и теплое одеяло ребенку. Он посоветовал обратиться за помощью к русским или к людям любой другой национальности, чтобы они вас временно спрятали, пока спадет напряженность.

У моей сестры недалеко от этой больницы жила ее подруга Карина, осетинка. Когда я набрала номер телефона, то главврач сам стал разговаривать с подругой моей сестры. Через два часа она приехала в больницу и забрала нас к себе. У них был свой дом с высокими заборами. Мы были дома вдвоем. Карина была беременной на восьмом

30 октября в Осетии вспоминали жертв трагических событий осени 1992 года. На Братскую могилу защитников Отечества в селении Камбилеевское пришли, помимо представителей администрации и правительства республики, участники вооруженного конфликта.

Житель Южной Осетии Батраз Кокаев вспоминал: «Мы получили команду прийти на помощь своим братьям из Северной Осетии. В 28-ю годовщину трагических событий я пришел помянуть своих погибших друзей. Мы все в то время работали в органах».

«Мои друзья отдали жизни за свободу Осетии», — сказал еще один участник конфликта, который также служил в те годы в органах милиции, Владимир Магкаев.

Сенатор, лидер североосетинских «Патриотов России» Арсен Фадзаев также откликнулся на эту трагическую пдату. На своей странице в Инстаграм он написал: «30 октября — День памяти жертв трагических событий осени 1992 года в Пригородном районе».

Ранее Владимир Келехсаев, главный федеральный инспектор по Республике Северная Осетия-Алания, отмечая годовщину начала конфликта, говорил, что «такие события не должны больше повториться, потому что война ничего хорошего не приносит. Я уверен, что война — это гибель для всего народа, и наша молодежь должна видеть, какой ценой достигается мир, и ценить этот мир».

Председатель Союза защитников Осетии Борис Гогичаев не винит ингушский народ, проживавший на территории Северной Осетии, в этой войне. «Я считаю, что виноваты лидеры общественно-политических организаций в самой Ингушетии. Ночью в приграничные села Северной Осетии выступили боевые отряды террористов Ингушетии, и оттуда начались боевые события. К утру 31 октября зона военных действий охватила около десятка населенных пунктов, где бок о бок проживали осетины и ингуши».

можно предсказать, какими будут последствия моей встречи с представителями народного ополчения или как они там еще называют себя. Но оставаться здесь тоже я уже не могла. Карина мне сказала, что мне нужно идти туда, где расположена воинская часть. По ее словам, многие ингуши, которые не успели уйти или ехать, находятся там сейчас, под охраной военных. Рассказала, как нужно идти, потому что транспорт работал с большими перерывами, да и небезопасно садиться с ребенком в общественный транспорт.

И я пошла пешком. Карина дала мне большую шаль, обрядила в очень скромную одежду, чтобы не привлекать внимания, и ровно через две недели после рождения сына я пошла в совсем другой конец Владикавказа — в сторону поселка Южный. Несколько раз я сбивалась с пути, но спросить у кого-либо не могла, боялась, что поймут, что я не осетинка, а ингушка.

Мне удалось добраться без особых приключений до воинской части. И нас потом на бронетранспортерах вывезли в Ингушетию. А мой муж Магомед, после того как он

ки с кипятком. Мы останавливались, чтобы согреться, выпивали несколько глотков кипятка из железной кружки и, не задерживаясь, шли дальше.

Я смотрела по сторонам и пыталась запомнить все это в деталях на всю жизнь. Если бы я умела рисовать, я нарисовала бы осень, которая нас окружала, вещи, в которых были люди, лица людей — отрешенные, глубоко впавшие глаза. Мы спрашивали у каждого встречного, сколько нам еще идти. Когда называли расстояние в километрах, мы просили сказать в часах — в часах, во сколько мы дойдем? Мы шли 18 часов.

Когда мы услышали гул трактора, который пробивал горную породу, расширяя дорогу и который двигался нам навстречу, мы поняли, что дорога жизни заканчивается и вот-вот мы выйдем к людям. Это было недалеко от Алкун. В конце тропы мне кто-то протянул руку, и я вышла на расчищенную площадку, на которой горел костер.

Я смотрела на стол, на котором было много нарезанного хлеба, и плакала. Я не проронила ни одной слезинки ни во время всех со-

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Москвичка Галина Николаевна Герман, дочь репрессированной Ольги Герман, собирает историю своей семьи и записывает воспоминания по рассказам своей матери. Она говорит, что для нее очень важно, чтобы эти живые свидетельства остались, потому что иначе никто не поверит, что такое происходило. Для «30 октября» она написала об опыте первого допроса ее матери.

— Нет.

— Ну, обойдемся и так.

Действительно, больше она не подвергалась физическому воздействию. Кстат, случаи с чернильницами и табуретками были не единичными, поэтому позже эти предметы стали закреплять.

28 ноября 1937 года маме предъявили обвинение. Особое совещание при НКВД за контрреволюционную деятельность приговорило ее к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет.

По заявлению ее сына дело было пересмотрено прокурором, который дал такую резолюцию: «Жалоба сына Герман О.М. вполне обоснована и подлежит удовлетворению, так как никаких данных о ее контрреволюционной деятельности нет».

В ее деле я прочла такие записки с пометками прокурора:

— Подозрительно вела себя. (Прокурор — «В чем?»)

— Остро критиковала. (Прокурор — «Значит, было за что».)

— Была знакома с подозрительными людьми. (Прокурор — «Все знакомство состояло в преподавании».) (В деле фигурировали члены редакции «Комсомольской правды».)

— Пробралась на высокую должность. (Прокурор — «Заслужила».)

Управлением НКВД Московской области ставился вопрос

перед Особым совещанием при НКВД СССР о признании Герман О.М. «неправильно осужденной». Мы с братом ждали, что мама вот-вот вернется, написали ей письмо, но в 1940 году получили постановление с резолюцией «Отказано».

В начале войны многим получившим десятилетний срок по статье 58 УК РСФСР его заменили на расстрел. Это коснулось и мамы. Ее перевели в одиночную камеру для смертников, где она каждую ночь — почти год — ждала, когда за ней придут. В это время ее сын воевал под Старой Руссой.

Ей повезло. По какой-то причине расстрелы прекратились на время. И она продолжила отбывать свой 10-летний срок, к которому позже добавились еще 8 лет.

Ольга Михайловна Герман родом из Украины. После отделения Польши от России она оказалась на польской территории. Вступила в компартию Польши, вела активную революционную работу в подполье, за что ее арестовали и прямо из тюрьмы интернировали в СССР. Родители автора познакомились во время перехода границы — отец, Сусленников Николай Сергеевич, также был выслан из Польши. Две недели их проверяли на заставе, и потом отправили в Москву, в Коминтерн, а оттуда направили на работу в Кинешму. Там Ольгу как высланную из панской Польши коммунистку трудоустроили в бухгалтерию фабрики, а через какое-то время выбрали народным судьей.

Позже, перебравшись с семьей в Москву, она работала в парткабинете вместе с Екатериной Ворошиловой, была заведующей отделом библиотековедения рекомендательных библиографий. Поступила в Академию коммунистического воспитания имени Крупской, потом перевелась в Университет преподавателей общественных наук. В 1932 году, после возвращения из Крыма, где она лечилась от туберкулеза, перевелась в Институт красной профессуры.

28 ноября 1937 года Особым совещанием при НКВД СССР маме был вынесен приговор: «За контрреволюционную деятельность Герман-Фигельман О.М. приговаривается к заключению в ИТЛ на срок 10 лет по статье 58...». Этапом ее отправили в Казахстан.

Связь с семьей прервалась: больше года ни она о детях, ни дети о ней ничего не знали.

После окончания срока, в сентябре 1947 года, Ольга осталась жить в Джезказгане. Работала на лагерьном кирпичном заводе в здравпункте — то санитаркой, то медсестрой, то зубным врачом, то чабаном.

Второй арест произошел 11 января 1950 года. Пришло время менять паспорт. Работник паспортного стола конфиденциально предложил ей сделку: «Не хотите получить чистый паспорт? Свободно сможете уехать в свою Москву и увидеть уже наконец своих детей...». Кто же не захочет! Она собрала нужную сумму, взяв в долг у знакомых и друзей, вернулась в паспортный стол, нашла этого милиционера, протянула деньги, и в этот момент в комнату вошли три милиционера. Немедленно был зафиксирован факт дачи взятки. Такие провокации были характерны — отпустить домой бывших политических никто не собирался, и Герман дали максимальный срок — 8 лет.

Ольгу Герман освободили в мае 1953 года. По решению правительства была произведена амнистия осужденных по уголовным статьям. В 1955 году реабилитировали. В возврате жилплощади ей отказали, несмотря на постановление. Свободных квартир в Москве не было. Она жила в Александрове, восстановилась в партии, ей назначили персональную пенсию союзного значения, она устроилась в стоматологическую поликлинику, но работать не смогла, после лагеря у нее дрожали руки. Пошла на общественную работу в товарищеский суд при ЖЭК. Ее выбрали председателем, так как у нее уже был подобный опыт в 1920-е годы. Дети просили ее все бросить и отдохнуть. Но она отвечала, что смолodu посвятила свою жизнь борьбе за справедливость и как коммунистка обязана до конца жизни вести общественную работу.

После реабилитации в 1955 году Ольгу Михайловну восстановили в партии с ее дореволюционным стажем, ей была назначена персональная пенсия союзного значения. До конца жизни она вела общественную работу — была председателем товарищеского суда.

Умерла в 1975 году в возрасте 84 лет. Ее захоронили в стене Новодевичьего кладбища. Рядом с ней замурованы урны ее друзей, также пострадавших от репрессий.

Рябухина Ася Самойловна молоденькой девушкой заведовала бюро справок в секретариате Ленина, мама познакомилась с ней в Карлаге. На похоронной плите имеется надпись и о ее муже — Металликов М.С. — На момент ареста — заместитель главного государственного санитарного инспектора СССР. Расстрелян в 1939 году. На самом деле он захоронен не здесь, а лежит в могиле невестребованных прахов на Донском кладбище.

Бурков Гаврил Андреевич — бывший преподаватель Всесоюзной академии пищевой промышленности. До и после ареста в 1937 году они с мамой были большими друзьями. Их неожиданная встреча произошла у кассы городских бань.

Передавая деньги за входной билет, мама вдруг услышала голос из окошка: «А товарищу Герман можно бесплатно». Это был Бурков. Он узнал маму через окошко. Бывший профессор устроился кассиром в бани, пока добивался реабилитации. Потом он часто бывал у нас в гостях. Уход мамы Бурков перенес очень тяжело, и через несколько дней после ее похорон его тоже не стало. А мама успокоилась среди своих друзей.

Галина ГЕРМАН

На снимке: Галина Герман, 2020 г.
Фото Натальи Савельичевой

ДОМА С ПАМЯТЬЮ И БЕЗ

Проект «Последний адрес» оказывается в новостных лентах не только из-за своей гуманитарной миссии, но по причине периодически разгорающихся скандалов с уже установленными, а значит, заранее согласованными табличками. Последние две истории: со знаками на довлатовском доме в Санкт-Петербурге и пропавшими в Екатеринбурге — тому подтверждение.

Ранее Уральский «Мемориал» и его руководитель Анну Пастухову в качестве должностного лица признали виновными по части 2 статьи 19.34 КоАП РФ («Распространение иностранным агентом материалов без соответствующей маркировки»). «Мемориалу» вменили отсутствие маркировки «иностранного агента» на баннере, использованном во время акции памяти жертв политических репрессий «Возвращение имен» в 2019 году.

«Вменяемый нам как правонарушение баннер с изображением невинных жертв «Большого террора» (в основном — детей), на которых мы почему-то должны были поставить клеймо «иностранного агента», лишь свидетельствует о том, что инициатор этого судебного разбирательства, ФСБ, является прямым продолжателем традиции НКВД. Ведь людей, расстрелянных в 1937-1938 годах, тоже называли шпионами, иностранными агентами и врагами народа», — говорит Пастухова.

бличек якобы выглядит как кладбище. Такие же аргументы используют на Западе противники «каменной преткновения», отмечающих места, откуда увозили в лагеря смерти жертв Холокоста.

Михаил Амосов, депутат Заксобрания Петербурга, резко отреагировал на сообщения о снятии табличек «Последнего адреса», заявив: «Конечно, таблички необходимо вернуть. Конечно, необходимо сделать все, чтобы не только 30 октября, но и во все прочие дни в году

имена безвинных жертв оставались в нашей памяти».

В настоящее время сами таблички хранятся у управляющей компании, и их дальнейшую судьбу должно решить общее собрание жильцов дома. Управляющая компания должна повесить таблички обратно после окончания ремонта, который идет в доме.

Напомним, что в Екатеринбурге 31 мая также были сняты и похищены установленные на зданиях восемь памятных табличек «Последне-

го адреса». Видеонаблюдение запечатлело акцию — неизвестный шурпувертом откручивал весь крепеж и снимал табличку со стены. По каким-то причинам еще восемь табличек решили открутить в другой день. Но действия активистов «Последнего адреса» помешали реализации этого замысла.

1 июня выяснилось, что оставшиеся 8 табличек заклеены рекламными объявлениями. Спустя несколько дней на месте этой рекламы появились листовки, порочащие Общество «Мемориал». По факту хищения и вандализма были поданы заявления в полицию.

Сразу после кражи был объявлен сбор средств на восстановление украденных табличек. 28 октября новые таблички вместо украденных были повешены на свои места.

Ситуацию со снятыми табличками прокомментировал для «30 октября» политолог Дмитрий Орешкин. Он подчеркнул, что снятие табличек — это низовая инициатива, но народ — «это зеркало, а не бездонный колодец, как это нам изображают Толстой и Достоевский. И это зеркало отражает то, что видит. Каждый раз на поверхность всплывает то вещество, которое потребно власти. Здесь, конечно, можно вспомнить 4 миллиона доносов, о которых писал Довлатов, но вся эта история спровоцирована властью. И понятно, что если власти постоянно вещают о том, что кругом враги, что там всплывает? При этом видно, что активничает там не большинство — большинство безмолвствует, а выступает активное меньшинство, которое таким образом выплескивает накопившееся раздражение против сложившейся в стране ситуации. У этих людей появляется тоска по прошлому, поскольку им рассказы-

вал дедушка, как было стабильно и хорошо, и хочется убрать то, что мешает этой картине (а таблички, безусловно, мешают). В результате начинается конфликт со сдиранием табличек».

Дмитрий Орешкин подчеркнул, что подобная ситуация тревожна, поскольку люди, срывающие таблички, в своем стремлении привести мир к картине, сложившейся у них в голове, «неосознанно» и очень опасны, учитывая, что большинство населения погрузилось в апатию. «Они хотели снять таблички, и они этого добились, — говорит политолог. — Теперь они могут двигаться дальше. В дальнейшем подобная активность может привести к появлению «грибов типа Ленина», по меткому определению Сергея Курехина, то есть будут пытаться заполнить собой любой образовавшийся вакуум. Проблема здесь в том, что народ заражен безразличием и любой краснойбай-авантюризм может попытаться использовать эту апатию, чтобы перехватить власть», — заключил Дмитрий Орешкин.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. «Ленин — гриб» — телевизионный сюжет-мистификация, подготовленный музыкантом Сергеем Курехиным и журналистом Сергеем Шолоховым и показанный в 1991 году в телевизионной передаче «Пятое колесо». Интервью, которое Шолохов брал у Курехина, было с одной стороны попыткой высмеять «сакральный образ» Ленина, а с другой — сатирой на псевдонаучные телепередачи и репортажи. Научнообразное повествование Курехина о том, что вожди революции потребляли галлюциногенные грибы, вытеснявшие личность, и сами становились грибами, подкреплялось произвольно подобранными цитатами, сюжетами, комментариями якобы ученых и кадрами хроники и художественных фильмов. Программа произвела такой эффект, что органы партийной печати выступили с официальными опровержениями.

На снимке: вновь установленные таблички в Екатеринбурге 28 октября.
Фото Анатолия Свечникова

«ПОНЯТЬ И ИЗОБРАЗИТЬ»

Задачей онлайн-семинара «Понять и изобразить. Вина и ответственность за прошлое в экспозициях немецко- и русскоязычных музеев», по словам организаторов, было соотнесение периодов «однозначности» и «многозначности» в российских оценках прошлого с этапами исследований представления прошлого в музеях и других мемориальных учреждениях Германии. Под «однозначностью» при этом понимаются как случаи принятия ответственности, так и случаи отказа от нее.

Сотрудник музея Заксенхаузен Энрико Хайтцер был приятно удивлен большим числом участников семинара — только из России в нем виртуально участвовало свыше 30 музеев. Он отметил, что организаторы хотели бы создать на основе семинара постоянную площадку для профессионального сотрудничества и обмена опытом, а также место для дискуссий специалистов, преподавателей и студентов. Энрико Хайтцер подчеркнул, что главной проблемой остается «избирательное представление» темы репрессий в российских музеях.

«ВПОЛНЕ НОРМАЛЬНЫЕ» ЛЮДИ

Значительная часть докладов на семинаре была посвящена отображению преступлений нацистов в немецких музеях. Доклад сотрудницы музея Заксенхаузен Сары Кляйнманн был посвящен представлению преступлений национал-социализма в немецкоязычных экспозициях. Кляйнманн отметила, что раскол Германии в конце 1940-х годов на ГДР и ФРГ привел к появлению двух разных традиций отношения к преступлениям нацистов — более мягкой и более жесткой, и только после объединения страны в 1990-м началось формирование единой традиции. Она подчеркнула, что в экспозициях, созданных в местах преступлений нацистов, в качестве преступников отчетливо названы ответственные за создание соответствующего места и за происходившее там, а также те, кто выиграл от преступлений. Они представлены не кучкой садистов или подневольными людьми, не имевшими возможности выбрать, а «вполне нормальными» мужчинами и женщинами, участвовавшими в преступлении, инициаторами в преступлении, инициаторами в санкционированном государством, но при этом имевшими пространство для выбора. Раскрываются их судьбы, включая, по словам исследовательницы, последующую «недостаточную денацификацию», когда многие преступники, особенно из числа рядовых исполнителей, так и остались безнаказанными или понесли лишь минимальное наказание.

Экспонаты, относящиеся к причастным к преступлению или к самим преступлениям, на таких выставках представлены в «тщательно описанном контексте». Лицам, причастным к преступлению, и их взглядам отчетливо противопоставляются опыт погибших и выживших жертв. При этом экскурсоводам категорически запрещено сообщать школьникам, для которых проводится большинство экскурсий, собственное мнение о происшедшем. Разрешено лишь их погружение в контекст, в кото-

ром они сами смогут сформировать это мнение.

Коллега докладчицы Арне Паннен рассказал о представлении о нацистских преступниках, которое формируется у школьников, посещающих музей Заксенхаузен. Он подчеркнул, что этих преступников обычно описывают или как безликих идеологизированных садистов, или как послушных исполнителей приказов «сверху». Для того, чтобы разрушить это представление, Паннен предлагает представлять различных преступников через их биографии, показывать их мотивы, их ответственность, пространство для выбора, которое у них было. «Нужно сделать преступников конкретными людьми», — призвал он.

ТРАНСФОРМАЦИЯ В НАДЗИРАТЕЛЬНИЦ

Независимая исследовательница Симона Эрпель, занимающаяся изучением женского концлагеря Равенсбрюк, посвятила свой доклад отображению образов женщин-надзирательниц этого концлагеря на открывшейся в сентябре 2020 года выставке «Свита СС: надзирательницы женского концлагеря Равенсбрюк», куратором которой она является. Эрпель отметила, что один из наиболее часто задаваемых посетителями мемориала вопросов касается того, кем были женщины, служившие в этом концлагере. Она подчеркнула, что через Равенсбрюк прошли около 3340 надзирательниц — главным образом молодых женщин, в том числе потому, что Равенсбрюк был центром обучения надзирательниц для других концлагерей.

Выставка в Равенсбрюке фокусируется на следующих темах: трансформация «обычных женщин» в надзирательниц, динамика «повседневного» насилия надзирателей в отношении заключенных, вопрос о важности идеологической убежденности надзирательниц, о «служебных обязанностях». В последнем пункте отмечается, что, вопреки заявлениям самих надзирательниц, отказ от службы в лагере

не грозил ими серьезными последствиями, поскольку есть примеры женщин, отказавшихся от подобной службы и не пострадавших. Также показаны пути карьерного роста надзирательниц, послевоенные судебные процессы над ними и место надзирательниц СС в поп-культуре. Подчеркивается, что послевоенные судебные процессы над надзирательницами не привели к восстановлению справедливости (ряд надзирательниц был осужден на смехотворно малые сроки, после отбытия которых общество рассматривало их как добропорядочных граждан) и достоинства жертв. Новое рассмотрение дел надзирательниц началось лишь после процесса охранника лагерей смерти Треблинка и Собибор Ивана Демьянюка в 2011 году.

Симона Эрпель отметила демонизацию и сексуализацию образа надзирательниц в поп-культуре, что, по ее словам, «противоречит действительности». «Парадоксальным образом это также и форма преуменьшения серьезности содеянного. Создается впечатление, что человек не мог вести себя иначе. «Злодей» представлялся подобным несовер-

шеннолетнему ребенку, не понимающему последствий своего поведения. Клишированный образ надзирательницы как готовой к насилию садистки, преступницы «по инстинктивному влечению» уже давно стал частью виртуальной реальности, что оказывает влияние и на формирование исторической осведомленности людей в настоящем», — заключила она.

ФРАГМЕНТАРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Целый ряд докладов был посвящен ситуации с российской политикой памяти.

Руководитель образовательных программ «Международного Мемориала» Ирина Щербакова подчеркнула, что российские историки и музейщики «находятся только в начале пути и в очень сложной ситуации». Среди сложностей, перечисленных Щербаковой, — очень фрагментарное восприятие репрессий российским обществом, связанное с тем, что часть репрессированных (особенно из числа чекистов и номенклатуры) до того, как стать жертвами, сама выступала в роли палачей, миф о «миллионах доносов», которые якобы способствовали размаху репрессий, и связанное с этим «размывание» ответственности. «Но нельзя утверждать, что вообще ничего не сделано для преодоления прошлого. Самое важное — в 1990-е открылся доступ к архивам, который впоследствии был ограничен. Вышло много исследований, много публикаций», — отметила Ирина Щербакова.

Как значительное достижение она упомянула создание электронной базы данных сотрудников НКВД, участвовавших в репрессиях. «Нас, правда, упрекают, что мы таким образом раскалываем общество», — заметила Щербакова, подчеркнув, что подобный раскол и без того существует еще с брежневского периода, когда люди разделились на «читателей самиздата, слушателей за-

падных «голосов» и тех, кому было комфортно при Брежневе». «Сейчас у власти в России люди брежневской эпохи, которые свои убеждения приобрели в тот период», — заключила она.

Владислав Стаф, преподаватель Школы исторических наук Высшей школы экономики, на примере ситуации в Кызыле и Магадане отметил характерную особенность российской политики памяти. Организатора репрессий теперь принято возвеличивать за его заслуги,

при этом максимально замалчивая его участие в репрессиях. «В Кызыле музей политических репрессий является частью национального музея Республики Тыва и работает с 1994 года. Он находится в одном из старейших зданий города — деревянной избе 1914 года постройки, — в котором в 1930-е годы находилась спецкомендатура НКВД ТНР, а после 1944 года — НКВД СССР. В музее представлены фотографии репрессированных тувинцев, а особое внимание уделяется 1938 году, когда состоялся судебный процесс над девятью государственными деятелями ТНР, репрессированными (наподобие сталинских репрессий) по указанию Солчака Тока — тувинского политического деятеля, фактически правившего Тувы с 1932-го по 1973 год. При этом сам Тока в экспозиции не упомянут, хотя в центре Кызыла стоит памятник ему, а в национальном музее выставлена его парадная форма (Подробнее об истории репрессий в Туве — в материале на с. 10 — Примеч. «30 октября»).

Похожая ситуация сложилась в экспозиции «Колыма. Севвостлаг. 1932-1956», открытой в Магаданском областном краеведческом музее в 1992 году. В ней представлено много артефактов «Дальстрога», однако имя первого его начальника Эдуарда Берзина практически не упоминается, кроме нескольких документов, подписанных Генрихом Ягодой. Таким образом, экспозиция рассказывает о страданиях людей в лагерях Колымы, но четкой информации о том, по чьему указанию это происходило, практически нет. «При этом недалеко от музея, в самом центре Магадана, напротив здания городской администрации, Берзину стоит памятник», — отметил Стаф.

По мнению историка, участие Токи в репрессиях в Туве оказалось скрыто из-за его вклада в развитие тувинской государственности. Что касается Берзина, то здесь свою роль сыграло как то, что Берзин и сам стал жертвой репрессий, так и то, что он пользуется уважением магаданцев как основатель города. «Многие считают, что без него не было бы современного Магадана», — заключил Владислав Стаф.

Дарья Хлевнюк, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени Полетаева Высшей школы экономики, посвятила свой доклад «ведомственным» экспозициям о ГУЛАГе. Она подчеркнула, что экспозиции, посвященные «экономической» стороне лагерной системы, выглядят как типично «ведомственные» и зачастую игнорируют «репрессивную» сторону. «Например, в музее Беломоро-Балтийского кана-

ла в Повенце заключенные практически игнорируются, зато прославляется Сталин. Канал описывается как необходимое для «молодого советского государства» строительство. В музее в Магадане экспозиция про Дальстрой соседствует с экспозицией про колымские лагеря. В результате создано два параллельных нарратива про две стороны лагерной системы, которые как будто практически друг с другом не соотносятся», — отметила Хлевнюк.

И ЖЕРТВЫ, И ПАЛАЧИ

Еще одной темой докладов стало отображение репрессивных действий коммунистического режима в Германии. Доклад Юлии Ландау, сотрудницы музея Бухенвальд, расположенного в зданиях бывшего концлагеря, был посвящен отображению в экспозиции музея историй заключенных спецлагеря № 2, разместившегося в зданиях Бухенвальда в 1945-1950 годах. За весь период его существования в нем содержалось 28 500 человек, из которых 7 113 человек, или около четверти от общего числа заключенных, умерли в лагере. Ежегодно на территории бывшего лагеря проходит памятное мероприятие инициативной группы «Бухенвальд 1945-1950».

Исследовательница отмечает, что с заключенными спецлагеря все было не так просто. Вначале самую большую группу заключенных (58%) составляли местные партийные руководители НСДАП (именно их в значительной степени затронула масштабная смертность). После массового освобождения заключенных в 1948 году их численность упала до 12%. 7% заключенных составляли полицейские, 5% — диверсанты, 4% — пропагандисты, 5% — члены СС и СД, 3% — агенты гестапо и столько же — руководители административных органов власти, по 2% — персонал концлагерей, сотрудники абвера, лица, жестоко обращавшиеся с советскими гражданами, по 1% — сотрудники внешней разведки и должностные лица Гитлерюгенда.

Юлия Ландау отметила, что местные партийные руководители были и жертвами, и палачами, поскольку они, будучи при власти, участвовали в преследовании политических оппонентов, немецких евреев и других лиц, подвергшихся расистской стигматизации. Другие заключенные спецлагеря также несли ответственность за серьезные военные преступления и преступления против человечности. Задача выставки — показать реальный образ заключенных, который часто вступает в противоречие с образом, сформированным семейной памятью.

Сюзанна Муле из фонда «Берлинская стена» рассказала о том, как в музее Берлинской стены работают с биографиями тех, кто стрелял по людям, пытавшимся преодолеть стену, на примере выставки, посвященной биографии одного из пограничников, Конрада Шумана, позже ставшего беглецом. На выставке также рассматривается пространство для выбора пограничников и рассказывается об уголовной ответственности, настигшей «преступников Берлинской стены».

Организаторами семинара выступили Мемориальный комплекс и музей Заксенхаузен при поддержке Фонда исследования диктатуры СЕПГ и информационной поддержке «Международного Мемориала».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Ворота в музей Заксенхаузен.
Фото Lars Wendl/архив
Музей Заксенхаузен, Берлин

Участники дискуссии: Дарья Хлевнюк,
Владислав Стаф, Ирина Щербакова.
Фото Дарьи Кротовой и из архива НИПЦ
«Мемориал», Москва

ОКТАБРЬСКИЕ, НОЯБРЬСКИЕ И ДЕКАБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1930. 23 октября

В Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) началось расследование деятельности группы Сырцова — Ломинадзе — одной из последних антисталинских группировок в коммунистической партии, не выдуманных органами госбезопасности. Председатель Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР Сырцов и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Ломинадзе выражали недовольство узурпацией всей власти в партии небольшой группой приближенных Сталина. Их обвинили в «право-левацком уклоне» и сняли со всех постов. Ломинадзе покончил с собой в 1935 году под угрозой ареста по новому уголовному делу. Сырцов был расстрелян в 1937 году.

1935. 28 октября

СНК СССР передал Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУДОТРАНС) в подчинение НКВД, где было создано Главное управление шоссейных дорог. В его ведении до марта 1953 года находилось почти всё (за исключением дорог близ границ) автомобильное строительство страны. Управление подчинялись десятки лагерей, численность заключенных в которых доходила до 50 тысяч человек. С 1939 года в управлении широко использовался труд военнопленных.

1945. 24 октября

Вступил в силу Устав Организации Объединенных Наций. До настоящего времени ООН является основным источником международного права. По Уставу организации, ее главной целью является поддержание международного мира и безопасности. Однако политико-идеологическое противостояние СССР и США привело к тому, что ООН фактически стала инструментом предотвращения столкновения между двумя крупнейшими ядерными державами мира.

1950. 1 октября

Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по сфабрикованному обвинению в создании альтернативного центра власти — так называемое «ленинградское дело». Заместитель председателя Совета министров СССР Н.Вознесенский, секретарь ЦК ВКП(б) А.Кузнецов, председатель Совета министров РСФСР М.Родионов, председатель Ленсовета П.Попков и другие были приговорены к расстрелу. Всего по «ленинградскому делу» осуждено более 2 тысяч представителей ленинградской номенклатуры, из них около 200 человек расстреляны. Это были последние расстрелы высшего руководства при жизни Сталина.

1955. 7 октября

Издан приказ МВД СССР о передаче исправительно-трудовых лагерей Коми АССР в подчинение правительства этой автономной республики. Это был один из актов децентрализации системы лагерей. Сталинская лагерная система начала распадаться.

1960. 3 октября

В Ленинграде состоялся суд над писателем Кириллом Владимировичем Успенским (псевдоним — Косцинский). Впервые в послесталинское время член Союза писателей, участник войны был арестован по обвинению в «антисоветской пропаганде». Ему было инкриминировано распростране-

ние книг, полученных от иностранцев, и распространение анекдотов. Успенский был приговорен к 4 годам лагерей.

1970. 20-22 октября

Состоялся суд в Калуге над бывшими политзаключенными математиком Револьтом Ивановичем Пименовым (впоследствии одним из основателей «Мемориала») и его другом, артистом Борисом Борисовичем Вайлем. Они обвинялись в хранении и распространении самиздата. Суд приговорил обоих к пятилетней ссылке.

1980. 29 сентября — 2 октября

В Киеве состоялся суд над выдающимся украинским поэтом, членом Украинской Хельсинкской группы, бывшим политзаключенным Василем Семеновичем Стусом. 2 октября Стус был приговорен к 10 годам исправительно-трудовой колонии особого режима и к 5 годам невыезда за границу. Он отбыл срок в лагере Пермь-36. Василь Стус умер в заключении 4 сентября 1985 года. В 2001 году на здании филологического факультета Донецкого национального университета, где учился Стус, был установлен памятный барельеф. 21 апреля 2015 года властями так называемой «Донецкой народной республики» принято решение о демонтаже барельефа, и 5 мая его заменили на барельеф разведчика Н.Кузнецова.

1985. 5 октября

Лютеранский священник, автор и распространитель самиздата Харри Мьтсником предстал перед судом в Таллине за заявления в защиту политзаключенных Л. Парек и Х. Ахонена, проповеди, которые звучали на зарубежных радиостанциях.

1990. 30 октября

На Лубянской площади в Москве был открыт памятник жертвам политических репрессий — Соловецкий камень. До сих пор это место остается главным в стране, где увековечена память миллионов людей, погибших в годы тоталитаризма. В 2017 г. на проспекте Академика Сахарова В.В.Путиным был открыт другой памятник жертвам репрессий — Стена скорби.

1930. 11, 15, 25 ноября

1 ноября было опубликовано обвинительное заключение по делу «инженеров-вредителей» («Дело Промпартии»). Задачами этой партии, по версии следствия и обвинения, были провоцирование кризисов в промышленности с целью срыва планового строительства, а также подготовка иностранной интервенции в СССР для свержения советской власти. Причиной фабрикации дела стал углублявшийся кризис легитимности партийного государства во взаимоотношениях с населением (крестьянство, рабочие, специалисты), выход из которого осуществлялся путём перенаправления недовольства трудящихся с номенклатуры на «вредителей». 15 ноября в «Правде» и «Известиях» была опубликована

статья М.Горького «Если враг не сдаётся — его уничтожают». 25 ноября в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, начался процесс по «Делу Промпартии». В городе прошла полумиллионная демонстрация с требованием расстрела «вредителей». Впервые власть использовала тактику «демонстрации всенародного гнева». Восемь обвиняемых признали свою вину; пятеро из них были приговорены к расстрелу, а трое — к 10 годам лишения свободы.

1955. 4 ноября

В свет вышло издание ленинградского самиздата — литературно-художественный журнал «Голубой бутон». Его редакторы — студенты филологического факультета ЛГУ П.Афанасьев, А.Богданов и В.Пуписов — подверглись так называемому профилактированию (беседе с угрозами) КГБ. Издание прекратилось после первого номера.

1965. 26 ноября

Ленинградский городской суд осудил к лишению свободы на сроки от 2 до 7 лет членов социал-демократического кружка, известного как группа «Колокол». Владимир Гаенко, Борис Зеликсон, Вениамин Иофе, Людмила Климанова, Сергей Мошков, Валерий Ронкин, Валерий Смолкин, Сергей Хахаев, Валерия Чикатуева распространяли листовки, издавали неомарксистский журнал «Колокол». Это был первый крупный политический процесс брежневского периода. Подсудимым было предъявлено обвинение в написании программно-документа «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата», издание неподцензурного журнала «Колокол», распространение листовок антисоветского содержания.

1970. 4 ноября

В Москве был учрежден Комитет прав человека — независимая общественная ассоциация «для изучения проблемы обеспечения и пропаганды прав человека в СССР». Его основали Андрей Дмитриевич Сахаров, Валерий Николаевич Чалидзе и Андрей Николаевич Твердохлебов. Комитет прав человека стал первой диссидентской ассоциацией, получившей международный статус.

1975. 21 ноября

Британское королевское общество психиатров приняло резолюцию с осуждением использования психиатрии против инакомыслящих в СССР. После долгих лет борьбы советские диссиденты добились того, что использование психиатрии в СССР в политических целях стало предметом обсуждения в международных организациях. Вскоре советских психиатров стали исключать из международных психиатрических обществ.

1980. 11 ноября

Андрей Алексеевич Амальрик — историк, публицист, драматург, автор эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» — погиб в автомобильной катастрофе в Испании. Амальрик был первым диссидентом, который открыто общался с иностранными журналистами и дипломатами в Москве, передавая им информацию о борьбе за права человека в Советском Союзе. В 1970 году Андрей Амальрик был осужден по ст. 190-1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй»), 1970-1975 годы провел в лагерях и ссылке. В 1976 году, после настоятельного «предложения» КГБ, эмигрировал во Францию.

1985. Ноябрь

Елене Георгиевне Боннэр, жене А.Д.Сахарова, отбывавшей вместе с ним ссылку в городе Горьком (Н. Новгород), разрешили выехать за границу на лечение. За это разрешение Сахаров лично боролся долгое время, объявив голодовку. Это был один из первых признаков горбачевской перестройки. После лечения Боннэр вернулась в Россию.

1920. 1 декабря

Вышло постановление ЦК РКП(б) «О пролеткультах». Оно стало первым директивным партийным решением по вопросам культуры, ликвидировавшим самостоятельность культурных организаций пролетариата и подчинившим их органам власти. Пролеткульт решал две задачи — разрушить старую дворянскую культуру и создать новую, пролетарскую. Если задача разрушения была решена, то вторая задача так и не вышла за рамки неудачного экспериментаторства.

1925. 18-31 декабря

В Москве состоялся XIV съезд ВКП(б), на котором вожди так называемой Новой (или Ленинградской) оппозиции Григорий Зиновьев и Лев Каменев предприняли неудачную попытку снять Сталина с поста генерального секретаря партии.

1930. 19 декабря

С поста председателя Совнаркома был снят и 21 декабря выведен из состава политбюро Алексей Рыков. Завершилось отстранение от власти лидеров так называемой правой оппозиции. Главой правительства стал верный сталинец Вячеслав Молотов.

1935. 7 декабря

Для строительства Угличского и Рыбинского гидроузлов был создан Волжский исправительно-трудовой лагерь (Волголаг). До 1953 года заключенные работали на строительстве, а затем — на обслуживании Рыбинской и Угличской ГЭС. Численность заключенных достигала 88 тысяч человек.

1945. 20 декабря

Контрольный Совет в Германии издал Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности». В Законе были даны определения этих составов, утверждены Уставом Нюрнбергского процесса 8 августа 1945 г.

1955. 13 декабря

Вышел указ президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом отношении с советских немцев и членов их семей, находившихся с 1941 года на спецпоселении в Красноярском, Алтайском краях, в Омской и Новосибирской областях, Казахстане. Основная цель указа заключалась в том, чтобы узаконить дальнейшее проживание немцев там, куда их выселили («учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства, а районы его прежнего места жительства заселены»). Из отмены спецучета и комендатур не вытекало прав ни на возвращение конфискованного при выселении имущества, ни на возвращение в районы старого проживания.

1960. 7 декабря

Московский городской суд приговорил подругу Бориса Пастернака, бывшую узницу сталинских лагерей Ольгу Ивинскую и ее дочь Ирину по сфабрикованному обвинению в контрабанде к 8 и 3 годам лишения свободы соответственно. (Борис

Пастернак завещал Ивинской часть авторских гонораров за заграничные издания «Доктора Живаго», которые он не мог получить. Деньги, привозимые в СССР иностранцами, обмененные на рубли и переданные Ивинской, и явились причиной ареста.)

1965. 5 декабря

В День Конституции СССР на Пушкинской площади в Москве состоялся митинг с лозунгом «Уважайте советскую Конституцию» и с требованием гласности суда над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. С этого «митинга гласности», организованного Александром Есениным-Вольпиным, принято вести отчет истории отечественного правозащитного движения.

1970. 7 декабря

На Минском (Берковецком) кладбище в Киеве состоялся похоронный украинской художницы и правозащитницы Аллы Горской, убитой при загадочных обстоятельствах. Горская принимала активное участие в украинском правозащитном движении. Она материально и морально поддерживала семью политзаключенных, состояла в переписке с ними. Ее похороны стали открытой манифестацией инакомыслия.

1975. 9-12 декабря

В Верховном суде Литовской ССР в Вильнюсе прошел судебный процесс по делу Сергея Адамовича Ковалева. Ему вменялось в вину участие в Инициативной группе по защите прав человека в СССР и в издании «Хроники текущих событий». Ковалев был приговорен по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» к 7 годам колонии строгого режима и к 3 годам ссылки.

10 декабря

В Осло Елена Боннэр получила Нобелевскую премию мира, присужденную ее мужу Андрею Дмитриевичу Сахарову. Самого ученого не выпустили из страны. На церемонии вручения премии Елена Боннэр прочитала речь академика, в которой содержался призыв к «истинной разрядке и полному разоружению», ко «всеобщей политической амнистии в мире» и к «освобождению всех узников совести повсеместно».

1980. 24-26 декабря

В Московском городском суде слушалось дело Александра Павловича Лавута, правозащитника, диссидента, автора и редактора самиздата и «Хроники текущих событий». Ему инкриминировалось изготовление и распространение с 1968 года правозащитного самиздата. Александра Лавута приговорили к 3 годам лишения свободы за «распространение заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190-1 УК РСФСР).

На снимках: Кирилл Успенский (Косцинский). Ольга Ивинская, Борис Пастернак и дочь Ольги, Ирина Емельянова. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:**Международная общественная организация****«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»***

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12**Тел. приемной:** (495)699-1180**Тел. редакции:** (495)699-6478**E-mail:** 30october@ccknot.info**В подготовке номера участвовали** Я.З.Рачинский, А.А.Макаров**Главный редактор** Г.С.Шведов**Выпускающий редактор** Н.В.Савельчева**Литературный редактор** Ф.В.Шведовский**Корректор** Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 158 от 18.12.2020 г. (октябрь-декабрь 2020). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно